

Зоя Берг

НЕПРАВИЛЬНЫЙ
МОЙ
МУЖЧИНА

Зоя Берг

Мой неправильный мужчина

<https://litres.ru/74462272>

Аннотация

Она - 34 года, должность, жених, план на жизнь. Все под контролем. Он - 28 лет, хамит, дразнит, смотрит так, что хочется сбежать - и одновременно остаться. Она уверена: он ее просто бесит. Он уверен: она сама не знает чего хочет. Кто-то из них прав. Или оба.

#романтическая комедия в офисных декорациях

18+ ХЭ♥#

все книги автора и подписка тут:

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	46
Глава 10	52
Глава 11	57
Глава 12	62
Глава 13	67
Глава 14	72
Глава 15	77
Глава 16	82
Глава 17	88
Глава 18	94
Глава 19	99
Глава 20	105
Глава 21	111
Глава 22	119
Глава 23	124

Глава 24	129
Глава 25	135
Глава 26	140
Глава 27	145
Глава 28	151
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Глава 1

- Мам, я обязательно выйду замуж, – вздыхаю я в трубку.
– Мне пока всего тридцать четыре, а не сто тридцать четыре.

И прямо вижу, как она обиженно поджимает губы.

- Мамуль, ну правда. Мы с Аристархом даже уже обсуждали, - вру. – Я в выходные к тебе заскочу и все-все расскажу. А сейчас, прости, мне пора. Совещание у мэра. Люблю тебя!

Нажимаю отбой. И вздыхаю еще раз. Ну что за такое настойчивое желание выдать меня замуж? Вон одноклассницы мои повыскакивали. И что? Половина развелась уже. Со скандалами... Лучше уж так как мы с Аристархом...

«Так. Совещание!».

Великий градоначальник нашего городка сидит за столом из темного дерева.

Я занимаю свое место: стул чуть отодвинуть, папку с докладом положить под углом сорок пять градусов. Привычка.

- Ну рассказывайте, Ирина Николаевна. Чем планируем удивлять на «День города»? - мэр вертит в пальцах ручку с позолоченным пером.

Я начинаю.

Выставка кружев. Народная песня. Торжественное вручение благодарностей заслуженным работникам...

- А еще..., - хочу продолжить я, но тут в комнату влетает

он.

Не стучится. Просто открывает дверь и входит, будто этого его кабинет, а не святая святых нашей администрации.

Джинсы. Серый свитер под горло. Карие глаза с неприлично длинными ресницами. Волосы торчком.

Мэр расплывается в улыбке.

- Иван! Ну вот и отлично, что решил присоединиться.

«Как это присоединиться? Это совещание, а не кружок по интересам!».

- Ирина Николаевна, вы же знакомы с нашим новым главным архитектором?

Я качаю головой. Главный архитектор? Да ему лет двадцать от силы.

А он - он просто мне кивает. Не «здрасьте», не «приятно познакомиться». Просто кивает, будто мы вчера вместе пили пиво у фонтана.

- Ирина Николаевна предлагает народную песню и кружева, - поясняет мэр с легкой издевкой в голосе.

Или мне кажется?

«Нет, точно издевка!».

Иван улыбается. И я вижу у него на щеке ямочку.

«Красивый черт».

- Кружева - это святое, - голос низкий. Неожиданно низкий и бархатный. - Но может быть добавим контекст?

Мэр приподнимает бровь.

- Перформанс «Город танцует». Профессиональные тан-

цоры в повседневной одежде на центральной площади смешиваются с горожанами. Танцуем вместе. Стар и млад.

Мэр медленно откладывает ручку.

- Люди заплачут, - шепчет он. - От такого... единения.

«Мда. Надо срочно вмешиваться. А то не дай бог щас мэра удар как хватит!».

- Иван, - говорю я. - У нас на площади - бабушки с сумками и дворники с метлами. Они не станут танцевать. Они вызовут полицию. Или скорую - от шока.

Он прищуривается.

- Бабушкам купим цветы. Мужикам... пирожки от местной столовой! – ржет.

Мэр присоединяется к хохоту. Смеется так, будто услышал анекдот про себя любимого.

Я сижу. Пальцы впиваются в край папки. Чувствую, как начинают пульсировать виски.

- А мне нравится! – мэр выдыхает. - А, Ирина Николаевна? Решено. Через два дня – жду от вас подробный план.

Я киваю. Встаю. Иду к двери.

- Иван, - голос мэра. – Что там по реставрации ДК?

Выхожу. Дверь закрывается за мной с тихим щелчком. Ладони влажные. Сердце бьется где-то в горле.

Выдыхаю. Иду к лестнице, бросая взгляд в окно. И вдруг представляю на площади этих дурацких танцоров. Под взглядами пенсионеров с лавочки. Под окнами администра-

ции.

«Этот мальчик идиот?».

Достаю телефон. Пишу Аристарху:

«Срочно надо встретиться». Стираю.

«Нужно поговорить». Стираю.

«Ужин сегодня. В семь». Отправляю.

Спускаюсь дальше - к выходу на свой этаж. И щелк! Каблук застревает в трещине между ступенями. Дергаю ногу.

И вдруг слышу за спиной шаги. Оборачиваюсь. Ну конечно - он. Высокий, сильный. Молодой медведь, а не человек!

- Помочь? - присаживается.

Крепкие руки. Мускулы перекатываются под облегающим свитером. Длинные красивые пальцы...

«Не пялься!».

Щелчок. Свобода.

- Архитекторы понимают трещины, - он легонько проводит рукой по моей щиколотке.

Горло перехватывает.

- Там где трещина – может начаться что-то новое, - поднимает голову. Темные карие глаза полны лукавой усмешки.

Мои губы сами собой – без моего разрешения! - расплываются в ответной глупой улыбке.

- Я вам на электронную почту сброшу проект праздника, хорошо? – легко встает. - И обсудим.

Откашливаюсь. Киваю, стирая с лица идиотское выражение и натягивая деловую маску.

А он... он подмигивает.

«Нахал!!!».

А потом разворачивается и быстрым шагом сбегает вниз по ступеням.

Я остаюсь на лестнице.

Щиколотка еще чувствует его прикосновение.

А в голове только одна мысль: как же он меня бесит!

Ну что же. Наша с вами новая история начинается!

Будет весело, дерзко и местами *оченьнеприлично*!)

Как сказала бы Ирина Николаевна: «*Будьте добры, пролистните страницу дальше. План на чтение еще не выполнен!*».

А как сказал бы Иван: «*Ну что, крошка, зажжем? Будет классно!*».

Глава 2

Ресторан Аристарха пахнет специями и достатком. Я сижу у окна.

Счетчик в голове уже тикает: 19:00, 19:03, 19:07. Аристарх опаздывает. И я злюсь.

Во-первых, ненавижу непунктуальность.

Во-вторых, никак не могу выкинуть из головы этого «главного архитектора»...

Дверь ресторана открывается. Ну наконец-то.

Я смотрю как он двигается ко мне. Дорогой костюм, рубашка без галстука, начищенные до блеска туфли. Его можно было бы назвать очень красивым, если бы не рост – он совсем чуть-чуть выше меня. Да и то если я на низком каблуке...

- Прости, задержался, - чмокает в щеку. - Этот юнец из архитектуры чуть меня до инфаркта не довел!

- Иван? - рука вздрагивает. Лед звенит о стекло бокала.

- Вот этот самый! Отказал мне в разрешении на веранду. Говорит - нарушает архитектурный облик площади. Какой облик? Там же «Магнит» стоит с фасадом цвета тухлой травы!

- Он что, не понимает, кто я? - рука с золотыми часами рассекает воздух. - Я три ресторана в этом городе держу. Мэр со мной на «ты». А этот... наглый щенок...

- Понимает, - беру салфетку. - И не впечатлен.

Аристарх замирает. Смотрит на меня так, будто я только что предложила заменить фуагра на колбасу.

- Ты его защищаешь?

- Просто констатирую. Для него ты - не Аристарх-ресторатор. Ты - заявитель №47-Б с нарушениями в проекте.

Подлетает официант. Ну конечно – пришел Аристарх, нужно срочно притащить устрицы на льду. Я отодвигаю тарелку - серая плоть в раковине вызывает легкую тошноту.

Аристарх берет одну, выдавливая лимон, отправляет в рот. Жует с наслаждением.

- Но ты же не хуже меня знаешь, - замечает он, вытирая губы. - Что летняя веранда - это просто летняя веранда и больше ничего. Как будто я монумент на века собрался возводить!

- Прости, - я киваю. – Ты прав, конечно. А он – ну Иван этот – просто мальчишка, который самоутверждается.

- Вот и я так думаю, - Аристарх отодвигает тарелку. – Ладно, хочет облик – будет ему облик...

- Ты что, выполнишь его указания? – тарашусь.

- Да там на самом деле не особо много изменений внести надо, - он выдыхает, резко с шумом. – Меня просто сама ситуации взбесила.

«Как я тебя понимаю».

- Ну, а что у тебя? – откидывается на спинку стула.

Рассказать бы ему... Но, с другой стороны, а зачем? Что

это изменит? Подтвердит теорию что «архитектор» мурак? Он, итак, в этом уверен.

- Мама звонила, - говорю, отгоняя лишние мысли. - Опять про замужество.

- Может быть стоит ее послушать? - шурится.

Я поднимаю бровь.

- Серьезно?

- А что? Мы вместе уже... сколько? Два года? Нет. Три будет этим летом. Ты меня любишь. Я тебя люблю. Может, поженимся? Заодно и съедемся наконец-то!

Я смотрю на него. На идеальную прическу. На золотые часы. На губы, которые целовали меня тысячу раз. Нам вместе хорошо – удобно, комфортно. Он успешный. И не жадный. Надежный мужчина. Стабильность. Порядок. Без сюрпризов.

- Может, и пора, - говорю я. - Вполне деловое предложение.

Аристарх улыбается. Удовлетворенно. Как человек, закрывший выгодную сделку.

- Вот и отлично. Рад.

- Я тоже, - улыбаюсь в ответ.

- Давай только к концу лета? Или лучше – в середине осени! Сезон буду закрывать – посвободнее станет. Но кольцо на следующей неделе поедем купим. Хочешь бриллиант или что-то попроще?

- Бриллиант, конечно, - смеюсь.

- Будет сделано, - подмигивает.

Приносят основное. Аристарх рассказывает про поставщика вина. Я киваю.

«Это я сейчас... что? Замуж?... Только вот... А почему так то? Просто вопрос и просто ответ?».

«Прекрати. Нормальное взрослое поведение!».

- Ир? - Аристарх легоньку стучит вилок по тарелке. - У тебя все в порядке? Не ела ничего...

- Ну мне только что предложение сделали. Обдумываю.

- Да что тут думать! – восклицает. - Мы же подходим друг другу идеально. Да и не дети уже. Пора, мой друг, пора...

«Не дети. Точно. Не то что этот... с руками и ресницами».

- А ты веришь... в любовь с первого взгляда? – вылетает вдруг из меня.

- Нет конечно, - фыркает.

- Вот и я нет. Но я тут подумала..., - тихо смеюсь.

- О чем? - приподнимает бровь.

- Что... любовь с первого взгляда - миф. А вот раздражение с первого взгляда - вполне реальная штука.

Он смотрит на меня так, будто я перешла на китайский.

- Глупости какие-то в голову лезут, – вздыхаю. - Устала я сегодня ужасно. Ты простишь если я тебя покину? Очень хочется домой и в кровать. Завтра сложный день.

- Давай отвезу?

- Нет-нет, не нужно. Такси закажу.

Я встаю, подхожу к нему, целую в подставленную щеку.

- Напиши, как доедешь, - просит он.

- Хорошо, милый...

Я выхожу из ресторана. Две минуты и подъезжает такси. Садясь на заднее сиденье, вижу в окне свое отражение - строгое платье, идеальная прическа, лицо взрослой женщины, которая только что согласилась выйти замуж.

И думаю: мама будет счастлива.

Глава 3

До дома мне ехать пятнадцать минут. Два квартала прямо. Мимо родной администрации...

«А домой-то вообще не хочется»..

- Остановите здесь, пожалуйста, - слышу свой голос.

- Простите? – таксист кидает на меня взгляд в зеркало заднего вида.

- Я забыла кое-что на работе, - зачем-то вру.

- Бывает, - он пожимает плечами и сворачивает на парковку.

Я выхожу, поднимаюсь по ступенькам. Вахтер – Сергей Семенович – удивленно поднимает глаза от телефона.

- Добрый вечер, - произношу я. – Документы забыла в кабинете.

- Все то вы в трудах, - улыбается он.

Я улыбаюсь в ответ и цокаю каблучками в сторону лестницы. Поднимаюсь на третий этаж, старательно обходя трещины в ступеньках. Иду по коридору. Ковер глушит мои шаги. Все уже разошлись - даже уборщица закончила возню с тряпкой и ведром. Я одна.

И тут слышу.

Сначала думаю - показалось. Но нет. Откуда-то из глубины коридора доносится... плач? Надрывный. Женский.

Останавливаюсь. Прислушиваюсь.

Да, точно плачет кто-то. Рыдает в комнате отдыха - там, где кофемашина, кружки для чая, пластиковые стаканчики и стол, за которым сотрудники едят бутерброды между совещаниями.

Иду туда.

Дверь в комнату отдыха приоткрыта на ладонь. Из щели сочится свет.

Медленно подхожу ближе. Плач все громче и громче. Но... он... какой-то странный. Не совсем плач. Скорее стон. С надрывом. С хрипотцой.

И тут я понимаю.

«Не плач это».

«Вообще не плач».

Рука сама тянется к двери. Толкаю.

Дверь открывается бесшумно.

И я вижу.

На столе - Милана. Моя двадцатидвухлетняя секретарша с идеальным маникюром и не менее идеальным бюстом. Ее юбка задрана до талии. Голова запрокинута, рот приоткрыт. И она стонет. Громко. Театрально. Не удивительно, что издалека я приняла это за плач.

А над ней склонился Иван.

Руки упираются в стол по обе стороны от ее бедер. Свитер задран - виден кусочек спины, бледной и напряженной. Он двигается. Медленно. Ритмично.

Я застываю на пороге. Как вкопанная.

«Как дура».

Милана первой замечает меня. Глаза распахиваются. Рот округляется в немом «ой». Иван поворачивает голову. Не торопясь. Не пугаясь.

Смотрит на меня. Прямо. Без смущения. Без паники. Только легкое раздражение - будто я помешала ему дочитать интересную книгу.

Отстраняется от Миланы. Поправляет свитер. Спокойно. Как будто только что не трахал мою секретаршу на столе, за которым я каждое утро пью кофе.

- Стучаться надо, - говорит он. Голос хриплый, но уверенный. Без тени вины.

Милана сползает со стола, поправляет юбку. Щеки пылают.

Я стою. Не двигаюсь. Не дышу. В голове - пустота.

Иван застегивает ширинку. Медленно. Насмешливо. Смотрит на меня - и в его глазах не стыд. Не страх. А что-то другое. Что-то, похожее на... вызов?

- Ирина Николаевна, - говорит он. - Вы же не из тех, кто шпионит за подчиненными?

Я молчу. Потому что, если открою рот - выскочит что-то глупое. Или смешное. Или то и другое сразу.

- Я не шпионила, - наконец выдавливаю я. Голос сухой. Как будто проглотила мел. - Я... слышала... плач.

Милана всхлипывает. На этот раз как будто по-настоящему.

- Она не плакала, - спокойно замечает Иван. - Она стонала.
Разница есть.

Я смотрю на них. Откуда-то из глубины поднимается уже не глухое раздражение, а самая настоящая ярость.

- Завтра уволю, - говорю Милане.

Она поднимает на меня мокрые глаза. Красивые. Молодые. Глупые.

- Ирина Николаевна, пожалуйста...

- Завтра! - отрезаю.

Разворачиваюсь.

- Ирина Николаевна, - голос Ивана. - Я вам план перформанса отправил. Завтра как раз хотел обсудить.

Я оборачиваюсь. Смотрю на него. На его наглую, прекрасную, молодую морду.

- Лично? - спрашиваю тихо. - Но вы же такой... занятой человек.

Он усмехается.

- Отдых - отдыхом. А работа - работой.

Милана всхлипывает снова. Иван не оборачивается. Смотрит только на меня. И в его взгляде - ни капли раскаяния. Только интерес.

«Как к сложному замку».

Глава 4

Утро начинается с кофе. Черного. Без сахара. Как всегда. Но сегодня я пью его не в общей комнате, а у себя в кабинете.

И не из кофемашины, хотя она у нас вполне приличная.

Просто я даже подумать не могу о том, чтобы зайти «туда». Туда, где вчера этот наглый юнец трахал эту дуру.

«Интересно, а чего она так стонала».

«Тьфу ты, господи боже мой, ну о чем я думаю!!!».

Я поворачиваюсь к окну. Делаю глоток и слышу, как в приемной стукнула дверь. А потом по паркету заклацали каблучки.

Ага.

Милана.

Подхожу к столу, тыкаю кнопку интеркома.

- Да, Ирина Николавна?

- Зайди, - бросаю я и аккуратно опускаюсь в свое кресло.

Тихий стук.

- Да.

Она проскальзывает в дверной проем, подходит к моему столу. В руках блокнот и ручка.

Как будто я ее вызвала, чтобы распоряжения выдать. Ну-ну.

Идеальный маникюр сегодня цвета персикового сока.

«Вчера эти пальцы, наверное, впились в спину Ивана...».

Начинаю злиться. Уже не на нее, на себя.

«С какого перепугу я об этом думаю??».

Я откашливаюсь, потом тыкаю пальцем в кресло напротив.

- Садись, - голос максимально нейтральный.

Она не садится.

- Ирина Николаевна, я...

- Садись. Пожалуйста, - все еще пытаюсь говорить спокойно.

Она делает два шага и пристраивается на краешке.

- Значит так, - выдыхаю. - Во-первых, мне очень жаль, что я все это увидела. Я просто слышала... как... кто-то, - я запинаюсь, - Кто-то плачет.

Щеки Миланы вспыхивают.

- И подумала, вдруг кто-то себя плохо себя чувствует... Но я... ошиблась. Вам явно было неплохо...

Милана вскидывает на меня глаза. И я вижу в них не только стыд, но и вызов.

«Ах ты ж маленькая дрянь».

- Ты понимаешь, что это недопустимо? – делаю тон резче.
- Рабочее место - это не место... для... для таких вещей. Это администрация, а не... не бордель, в конце концов!

- Простите, Ирина Николаевна. Конечно, не бордель. Я все понимаю! Это больше не повторится! Просто... я... он... он такой крааасииииивый... Ну и вот, - она прижимает руки к груди.

«Большой груди, которая, наверное, так нравится всяким молодым медведям».

- Красивый? – фыркаю, отгоняя чертов образ. – Милая моя...

Она чуть морщится. Я встаю. Обхожу стол. Встаю перед нею. Заглядываю ей в глаза.

- Милана, дорогая. Я просто обязана... Ты так юна... Но неужели ты не понимаешь? Да он просто... наглый котяра! Который метит чужие территории. Ты для него - не женщина. Ты - очередная подпись в его личном рейтинге.

- Он не такой! - вскидывается она. - Вы неправы! Он... Он профессионал!

- Профессионал чего? Соблазнения? - усмехаюсь. - Дорогая, мне тридцать четыре. Я видела таких. Умные непонятные фразочки про «трещины»...

Милана непонимающе пялится на меня.

- Да что там фразочки, - поправляю я себя. – Ляпнуть каждый может. А тут красивые глаза, бархатный голос, сильное тело... А на деле - пустота. И список покоренных секретарш вместо портфолио.

Она молчит. Щеки горят.

- Прости, - вздыхаю. - Это в конце концов не мое дело... Нравится он тебе? Ну и на здоровье. Только давайте... Все эти ваши... свидания... Давайте пожалуйста не здесь. Не на том столе, где я каждое утро пью кофе. Понятно?

Она кивает. Быстро.

- Понятно. Спасибо...

В этот момент - стук.

Три удара. Уверенных. Громких.

И мы обе понимаем – кто это там такой красивый к нам стучится.

Милана замирает. Щеки вспыхивают еще ярче. Дверь открывается до того, как я успеваю сказать «входите».

«Ну конечно».

Иван.

Явился не запыхавшись.

Серый свитер сегодня заменен на черный. Джинсы потертые у коленей. Волосы - все так же торчат в разные стороны, будто он только что вскочил с постели. Или с другого стола.

Останавливается на пороге. Смотрит на Милану. На меня. Уголок губ приподнимается - не улыбка, а что-то совсем другое...

Типа: «Ну что крошки, обо мне сплетничали? А вот и я! Зажжем?».

- Добрый день, Иван, - произношу я максимально холодно. – Зачем пожаловали?

- Ну как же, - он прищуривается. – Мне кажется нам с вами есть что обсудить. Вчера мне не удалось... же закончить... обсуждение.

- Обсуждение? Это теперь так называется? – хмыкаю я.

- Можно еще сказать «совещание», - он издает короткий смешок. – Я вам и план перформанса уже отправил. И смету...

Я зависаю на пару секунд, а потом понимаю, что этот юнец меня просто троллит!

- Но если возможно, - продолжает он, - Мне бы хотелось поговорить с вами наедине, Ирина Николаевна. Там просто есть мокрые...

Он тянет букву «о», отчего мы обе как дуры моментально краснеем.

- Ну то есть... в смысле... сырые места, - ухмыляется. - И я бы сначала с вами... как с опытным профессионалом... а потом уже с... юной и трепетной... общественностью обсудил, - он кидает быстрый взгляд на Милану.

Она таращится, а потом глупо хихикает.

- Уважаемая Милана, оставите нас пожалуйста, - произносит он бархатным голосом. И та моментально вскакивает и начинает задом пятиться к двери.

Я провожаю ее странные телодвижения взглядом, и замечаю как ее пальцы мимолетно касаются его руки. Интимно. Нежно. Обещающе.

А потом дверь закрывается.

И я остаюсь один на один с этим невыносимым юнцом.

Который делает несколько быстрых шагов и оказывается прямо передо мной...

Глава 5

Мы стоим буквально лицом к лицу.

«Близко! Слишком близко!».

Так близко, что чувствую запах - не одеколон, а что-то живое: дождь на шерсти, кофе, тепло кожи.

Я хочу отступить, но сзади стол, на который я опиралась, пока разговаривала с Миланой.

Под рукой оказывается папка, та самая, с планом Дня города. С «кружевами» и «самодеятельностью».

Сжимаю ее край так, что ногти белеют. Контроль. Мне нужен контроль.

- Ирина Николаевна, - говорит он.

«Голос как у заклинателя змей. Еще чуть-чуть и дудочку свою достанет», - пролетает мысль.

И я чуть было не хихикаю от ассоциации со словами «его дудочка» и «достанет».

- Я хочу попросить у вас прощения, - продолжает неожиданно.

- За что именно? - спрашиваю я, стараясь чтобы голос звучал холодно и профессионально. Параллельно пытаюсь прогнать картинку - его голая спина над задранной юбкой моей секретарши.

И «дудочка» под которую эта дура стонет.

«Блин!».

- За то, - останавливается, смотрит невинно аки ягненок, хлопающий длинными ресницами, - За то, что вы стали... свидетелем... наших некоторых фривольностей.

Откашливаюсь.

- Такого. Больше. Не. Должно. Повториться, - чеканю слово за словом.

Он кивает. Медленно.

И тут в его глазах вспыхивает - не издевка, нет. Что-то хищное, страстное, животное.

«Какой там ягненок. Щас!».

- Не могу обещать «никогда», - цедит сквозь зубы. - Но постараюсь не делать этого в стенах администрации.

Пауза. Выжидающая.

Я молчу.

- Хотяяя..., - продолжает. - Это был такой интересный экстремальный опыт. Разве вы в юности не творили подобных глупостей?

Сглатываю появившийся в горле ком. А потом вспоминаю себя в двадцать два - как целовалась с парнем в архиве университета среди пыльных папок, как сердце колотилось от страха быть пойманной. От стыда. От азарта.

Открываю рот, но потом понимаю, что это все просто дешевая провокация. Загнал в угол, задает вопросы. Что происходит в конце концов? Я взрослая, умная, успешная женщина! Начальник отдела культуры! Как он смеет?

Фыркаю ему прямо в лицо.

- Значит не творили, - ухмыляется.

Да так, что я точно понимаю – это утверждение. Не вопрос.

- Моя сексуальная жизнь вас не касается, - отрезаю я, сбрасывая морок бархатного голоса.

А он растягивает губы в улыбке. Не злобно. С интересом. Как ребенок, который нашел потайную дверцу. И ляпает:

- О, а она у вас есть? Сексуальная жизнь?

И тут меня накрывает. Не гнев. Не стыд. А дурацкая, идиотская обида - на него и на Милану за их «фривольности» и стоны на всю администрацию. На Аристарха с его «деловым предложением». На маму, которая звонит каждый день с одним и тем же вопросом.

И конечно, на себя, что стою тут перед этим наглецом и позволяю над собой издеваться...

И я выдаю самое глупое, что можно выдать в этот момент:
- Да я вообще замуж выхожу!

Слова висят в воздухе. Нелепые. Как будто я только что призналась, что коллекционирую плюшевых мишек.

Иван приподнимает бровь. А потом опускает взгляд. Смотрит на мои руки, которыми я так и упираюсь в стол. И медленно, без спроса, берет мою правую ладонь.

Его пальцы - теплые, с легкой шероховатостью на подушечках.

- И где же ваше кольцо? - спрашивает он, демонстративно рассматривая мою руку.

Хочу вырваться. Но зависаю. Потому что мне вдруг кажется, что в его прикосновении на самом деле нет похоти. А есть... исследование? Как у реставратора, который проверяет древесину на скрытые повреждения.

- Это не ваше дело, - шепчу я.

- Просто любопытно, - он проводит большим пальцем по моему безымянному.

Легкое касание. Почти невесомое. А я чувствую его до костей...

Но я нечеловеческим усилием сдерживаю внутреннюю дрожь.

Выдергиваю руку.

- Выйдите из моего кабинета, - говорю я.

Голос не дрожит. Чудо.

- Слушаюсь и повинуюсь, - произносит также сухо и бесстрастно.

Поворачивается к двери. Отступает на шаг. Два. Но останавливается. Качает головой, резко поворачивается, в два прыжка возвращается, берет мою руку снова и... подносит к губам.

Поцелуй. Но не тыльной стороны, как принято по всем канонам этикета - сухо, формально. А ладони.

Мягкие губы. Теплый выдох на кожу. Мгновение. И все.

Опускает руку. Идет к двери. На пороге останавливается, оглядывается:

- Кстати, про перформанс... Завтра надо все утвердить.

До праздника неделя осталась, если вы вдруг забыли. Подумайте над площадкой у фонтана. Там акустика лучше.

Уходит. Тихо закрывается дверь.

Как будто его здесь и не было.

Я стою. Рука все еще в воздухе - та самая, что он поцеловал. Ладонь горит. Не от стыда. От чего-то другого. От ощущения, будто он не кожу поцеловал, а провел пальцем по самой глубокой трещине в моей жизни.

Сажусь в кресло. Опускаю руку на стол. Смотрю на безымянный палец - голый, без кольца. А в голове глупый, навязчивый вопрос: почему Аристарх за три года не поцеловал меня вот так - не губы, не щеку, а ладонь? Почему вообще никто и никогда...? И почему я сама ни разу не подумала, что это возможно?

Достаю телефон. Экран черный. Вижу в отражении свое лицо - все как обычно. Только вот глаза... Удивленные? Испуганные? Панические?

Черт его знает. Но точно не те, что были час назад...

Пишу Аристарху: «Кольцо. Бриллиант. Готова посмотреть сегодня».

Стираю.

Пишу снова: «Давай в ювелирном в субботу?».

Добавляю смайл.

Отправляю.

Кладу телефон на стол. Рядом с папкой. Которая лежит не под сорок пять градусов. А криво. Как будто ее кто-то

сдвинул.

Как будто мир чуть-чуть накренился.

И я не знаю - исправить или позволить ему остаться таким.

Глава 6

Время тянется ужасно медленно. Я пытаюсь работать. План Дня города. Цифры. Сроки. Ответственные лица.

Но собраться никак не удастся. В голове - его голос: «Раз-ве вы в юности не творили подобных глупостей?»

Юность. Глупости. Да не творила я никаких глупостей! Подумаешь, целовалась в библиотеке. А ведь можно было...

«Так, стоп!».

Встаю. Подхожу к окну. Смотрю на площадь - бабушки на лавочках, дворники метут асфальт. Нормальная жизнь. Без молодых архитекторов с бархатными голосами и дурацкой философией.

А откуда он вообще взялся, этот Иван?

Сколько ему лет? Двадцать пять? И уже главный архитектор города. У нас даже начальники отделов в среднем за сорок. А тут - юнец с торчащими волосами и правом перечить мэру.

Конечно. Сынок. Чей-то сынок из Москвы. Кого-то важного. Наверное, позвонил отец-министр или там замминистра, и наш мэр тут же расплылся в улыбке: «Да-да, Иванушка, садись, работай, проекты делай - мы тебе во всем доверяем!»

Злость подкатывает к горлу.

Но... а вдруг нет?

Вспоминаю его руки - шершавые подушечки, уверенность в жестах. Вспоминаю, как он говорил про трещины в ступеньке - не как теоретик, а как человек, который их видит. Который их понимает.

Нет. Не верю. Просто хороший актер. Или хороший протеже.

«Как бы понять-то?».

Сажусь за ноут. Открываю браузер. Набираю в поиске: «Иван Соколов архитектор».

Выдает кучу Иванов Соколовых. Строителей, программистов, даже одного священника. Листаю. Ничего похожего на нашего Ивана - с ямочкой на щеке и взглядом хищника.

Ладно. Соцсети.

Набираю в поисковике его имя и фамилию. Опять куча профилей.

«Ну да – не Аристарх Бобров же, - улыбаюсь. - Этот точно неповторимый».

Ага. Вот и он.

Фото профиля: сидит на подоконнике, за спиной - кирпичная стена, под рукой эскизы на бумаге. Возраст в профиле: 28 лет.

«Двадцать восемь».

Мне тридцать четыре. Разница - шесть лет. Не катастрофа... Но... Он конечно выглядит младше... Или я старше?...

«Господи, о чем я думаю? Причем тут его и мой возраст?!».

Выдыхаю, продолжаю листать ленту.

Первое фото: он с девушкой. Брюнетка. Обнимает его за шею. Он улыбается. Подпись: «С Машей в Питере. Эрмитаж! И мы тут целовались в колоннаде».

Второе: другая девушка. Рыжая. На фоне какого-то модного лофта. Он держит ее за талию. Подпись: «Аня научила меня пить настоящий кофе. И не только кофе».

Третье: снова другая. Блондинка. На пляже. Он без рубашки.

Замираю.

Голый торс.

Не качки из инсты. Не идеальные «восемь кубиков». Но... тело. Настоящее. Широкие плечи, узкие бедра, красивая рельефность мышц под кожей. Шрам на ребрах - тонкая белая нить. Татуировка на предплечье: что-то абстрактное, похожее на архитектурный чертеж в миниатюре.

Провожу пальцем по экрану. Медленно. Как будто могу почувствовать текстуру кожи сквозь стекло.

«Глуно, Ира!».

Но горле перехватывает. Ровно как тогда. На лестнице.

Листаю дальше. Еще фото. Еще девушка. Еще улыбка. Еще обещание чего-то легкого, мимолетного, необременительного.

- Котяра, метящий территорию, - шепчу я вслух. - Подпись в рейтинге.

На следующем фото он снова без рубашки. Сидит на полу

мастерской, вокруг - макеты зданий. Спина напряжена. Лопатки рисуют острые треугольники под кожей. На шее - тонкая цепочка...

И тут - клик-клак.

Уведомление в правом нижнем углу экрана.

«Иван Соколов хочет добавить вас в друзья».

Замираю. Сердце пропускает удар. Или два.

И снова – клик-клак.

«Уважаемая Ирина Николаевна. Надеюсь, вы собираетесь выходить замуж не за этого надутого собственной важностью коротышку-ресторатора. Который даже веранду нормальную построить не может».

И смайл с высунутым языком.

Читаю дважды. Трижды.

Кровь отливает от лица - и тут же приливает обратно, обжигая щеки.

Наглость. Беспрецедентная, циничная, омерзительная наглость.

Он лезет в мою личную жизнь. Оценивает моего мужчину. Мои планы. Мои достоинства.

Кто он такой?! Кто дал ему право?!

«Вы что себе позволяете?!»

Отправить!

«Кто вы такой, чтобы судить о моей личной жизни? О моем женихе?»

Отправить!

Пялюсь в экран. Мессенджер услужливо подсказывает: «Иван Сколов печатает...».

«Понимаете, дорогая Ирина Николаевна. Я архитектор. Вижу конструкции. В том числе - человеческие. И мне кажется, что ваша с этим... Аристархом Бобровым (ржущий смайл)... конструкция... ну скажем так... вообще не гармонична».

- Это не твое дело! – шиплю я. – Все у нас отлично.

«Хотя он конечно серьезный мужчина, - продолжает. - Но... простите... очень уж... забавный. А вы... Вы слишком хороши для него».

С шумом выпускаю воздух. И с силой закрываю ноутбук.

Черт. Вот же вывел! Чуть технику не сломала!

Сижу. Дышу. Глубоко. Еще глубже.

«Вы слишком хороши для него».

Глупость.

Пустая фраза бабника, который хочет добавить в свой список еще одну «подпись» - милфу накануне свадьбы.

Вызов. Трофей.

«Вот же сукин сын!».

Ну лааааадно.

Ладно, мальчик. Хочешь поиграть?

Давай поиграем...

Глава 7

Весь оставшийся день в моей голове крутится только одно: месть.

Женская, изощренная месть. Такая, чтобы этот юнец запомнил до старости!

Первый вариант: договориться с какой-нибудь подругой, чтобы соблазнила его, а потом прилюдно бросила. Нет. Во-первых, он будет только счастлив трахнуть кого-нибудь еще, а во-вторых, у меня таких подруг не имеется.

Второй: договориться с Миланой? Не соблазнить – там уже итак все отлично. А чтобы бросила? Нуууууу... Девчонка похоже от него в восторге. Да и как ей объяснить? Сказать, что он меня бесит и поэтому...

"Чушь какая".

Третий: устроить так, чтобы его перформанс провалился публично. Выпустить на площадь стаю специально обученных голубей в самый ответственный момент. Или подкупить пару бабушек-активисток, чтобы кричали «разврат!».

Нет. В конце концов у меня личная месть, а не административные разборки через голубиную диверсию.

"Охренеть. Я-то думала что я такая вся умница. А оказывается -коварства во мне ноль целых, ноль десятых..."

"Ладно. Еще не вечер!"

В четыре часа заходит Милана. Несет мне с кофе.

"Ничего какое рвение".

- Спасибо, неожиданно и приятно.

Она не кивает, просто смотрит своим телячьим взглядом.

Да уж, вариант ее привлечь стопроцентно отпадает. Во-первых, она дура...

"Так, политкорректность где ваша Ирина Николаевна?"

"Хорошо. Хорошо".

Во-первых, она не дура... а молодая влюбленная глупышка. А во-вторых, она ж ему первым делом все расскажет.

- Вам что-то еще нужно, Ирина Николаевна? – спрашивает, пялясь мне куда-то в центр лба.

- Собери, пожалуйста, все запросы за сегодня. И рассортируй по срочности. Я весь день в плане праздника торчу, - вздыхаю, - ничего еще не смотрела.

- Хорошо, - кивает. И уходит, оставляя за собой шлейф духов - сладких как... как ее стоны вчера.

"Прекрати об этом думать! Теперь ты ведешь себя как дура!"

Опять вздыхаю. И ныряю обратно в свои бумажки.

В семь вечера я закрываю ноут и выхожу из кабинета. Милана как приклеенная сидит на своем стуле.

- Пора уже по домам, - выдавливаю из себя улыбку.

Она испуганно скидывает на меня глаза.

- Хорошего вечера, - шепчет.

Я киваю, выхожу и двигаюсь в сторону дома.

Квартира меня встречает тишиной. Скидываю туфли, по-

том офисные шмотки и топаю в душ. В надежде, что теплая вода смоет не только дневную пыль, но и навязчивые мысли о том, как же мне покататься.

Увы. Коварный план так и не складывается, а спустить все на тормозах я не могу. Никак. Такое не спускают!

Ладно, значит попробуем более действенное средство.

Вытираюсь. Дальше - высокий хвост, топ и лосины, кроссы...

Бег всегда помогал: ноги бьют по асфальту, сердце колотится, мысли выветриваются. Остается только тело и ритм.

Я бегу не спеша, втягивая воздух носом. Легкие горят приятно. Мимо сквера, мимо детской площадки, где уже никого нет, подбегаю к парку и... вижу его.

Мотоцикл.

Черно-красная «Хонда» с агрессивным силуэтом и спортивной посадкой. Стоит на парковке у входа. Я замедляюсь. Перехожу на шаг. Останавливаюсь.

"Ох. Какой классный!"

Честно если - я всегда мечтала о моте. Представляла, как научусь, куплю, а потом сяду и уеду на таком из города. Просто уеду. Просто куда-нибудь. Чтобы ничего кроме ветра и свободы. Но...

Мечта превратилась в «когда-нибудь потом». А «потом» так и не наступило.

- Эй, красивая, - слышу за спиной хриловатый голос. - Хочешь покатаю? Но с условием: села - дала.

Сердце пропускает удар.

"Да ну не может быть!"

Оборачиваюсь.

"Может..."

Иван. В обтягивающем черном мото-комбинезоне, который подчеркивает каждую линию тела - широкие плечи, узкие бедра, длинные ноги. Под мышкой шлем с затемненным забралом. Улыбка - дерзкая, но в глазах мелькает... узнавание.

Он замирает. Улыбка гаснет.

- Ирина... Николаевна? - спрашивает, и в его голосе - не издевка, а искреннее потрясение. - Это вы?

Я молчу. Стою с открытым ртом, как школьница. В топе и лосинах, без макияжа, с влажными от бега висками, с выбившейся прядью волос на лбу. Картина маслом, как говорится.

- Вы что за мной следите? - в его голос возвращается ирония. - Камуфляж топовый. Вообще бы не подумал...

- Вы и не подумали, Иван, - перебиваю. - Чисто лягнули как обычно что в голову пришло.

- Именно, - смеется. - Я всегда так делаю. Ну а вы что тут делаете?

- А на что это похоже? - фыркаю.

- Что вы хотите убежать от будущего мужа.

Я корчу гримасу, всем своим видом пытаюсь показать «ну и дурак же ты». А потом просто отворачиваюсь и опять втыкаюсь взглядом в мот.

- Нравится? – он подходит вплотную.

- Литровый, да? – в моем голосе прорываются восторженные нотки. – Разгоняется за три секунды до сотни?

- Нууууу... - тянет он и я прям слышу, как его мозг коротит от того, что я оказывается могу что-то понимать в мотоциклах. – Ну вообще-то две, но это смотря как стартануть.

Я делаю шаг, протягиваю руку и провожу по кожаной сидухе.

- Нравится? – спрашивает Иван.

- Очень, - выдыхаю я. И поворачиваюсь к нему не в силах сдержать восторга.

- Садись? – в его глазах вспыхивают дьявольские огонечки. – Или боишься?...

Глава 8

- Садись, - повторяет Иван. И в голосе уже отчетливо слышны нотки вызова.

Я отступаю на шаг. Кроссовок скрипит по гравию.

- Я не умею... я так и не научилась...

- Разве я сказал садись и поезжай? – на щеке ямочка от улыбки, - Просто присядь. На пять секунд. Обещаю, после этого на секс претендовать не буду.

Слово повисает в воздухе - грубое, неуместное. И я чувствую, как щеки наливаются жаром.

- А вы в принципе о чем-то кроме секса думать можете? - спрашиваю ровно. Профессионально. Как на совещании.

Он наклоняет голову. Смотрит на меня - сверху вниз. Взгляд такой же как на той самой лестницы, где он спасал мой каблук. Только теперь я не в офисной броне, а буквально голая - короткий топ, обтягивающие лосины... Все линии, изгибы – бесстыдно и напоказ.

- А как о нем не думать, - говорит он, как будто читает мои мысли. - Когда ты тут такая горячая стоишь.

«Когда это он на «ты» перешел?».

«И с какого перепуга?».

Фыркаю. Коротко, резко - как лопнувший шарик.

- Как-то однообразно мыслите, Иван. Горячая секретарша на столе, горячая мадам постарше на пробежке. Может вам

чем-нибудь холодным закусить? Хотя... «селедок» в вашем профиле итак с избытком.

Он на секунду задумывается, а потом смеется. Не издевательски. По-настоящему - грудным, теплым смехом, от которого у меня мурашки по рукам.

- Я своих девушек «селедками» не называю. Они скорее телочки. А телочек я люблю, - говорит, пожимая плечами. - Молодых, старых - мне пофиг. Главное - чтобы глаза горели.

- Я не телочка, - отрезаю.

Он делает шаг ко мне. Один. Не приближается слишком близко - оставляет метр, но этого хватает, чтобы я почувствовала запах кожи от комбеца, легкий свежий аромат лосьона и что-то сладковатое - может, жвачка.

- Да? - говорит он, глядя мне прямо в глаза. - Ну это как посмотреть. Вот со спины когда... иду я такой... вижу тебя... и думаю: «Ого, какая телочка».

Воздух вылетает из легких. Раз - и нет. Я стою, как вкопанная. В горле ком. Не слез. Ярости. Чистой, ледяной ярости.

- Вы... - начинаю я, но голос срывается. Откашливаюсь. - Вы - хам! И мне давно не шестнадцать... и я не собираюсь выслушивать эти... эти пошлые подкаты в парке на закате!

Он моргает. Впервые - без усмешки. Будто я ударила неожиданно.

- Я не подкатывал, - говорит тихо. - Я просто...

- Просто что? - перебиваю. - Просто троллите коллегу?

Или это ваш метод - всех женщин до единой называть «телочками», чтобы почувствовать себя мужчиной?

Он замирает. Потом отводит взгляд. Смотрит на мотоцикл - черно-красного зверя, который так и не почувствовал моего прикосновения.

- А ведь ты на самом деле злишься не на меня, - говорит он задумчиво. - Ты злишься на себя. За то, что... видимо... когда-то... не позволила себе... вот такую же игрушку... которая на самом деле не просто игрушка, не просто мотоцикл... а свобода и счастье...

Удар ниже пояса.

Я не разворачиваюсь сразу. Стою. Секунда. Две. Он ждет моей реакции. Ответного удара? Слез? Я это чувствую по тишине. По тому, как он смотрит. Нужно что-то ответить? Про мотоцикл. Про мечту. Про свободу. Про что угодно...

«Да ну, к черту! Кто он такой, в самом деле?!».

Я фыркаю, а потом просто разворачиваюсь и ухожу.

- Ира! - зовет он. - Подожди.

Не оборачиваюсь. Иду. Шаг. Второй. Третий - уже бегом. Кроссовки стучат по асфальту. Сердце колотится в висках - глупо, по-девичьи.

«Телочка».

Слово жжет изнутри. Как кислота. Я не телочка. Я - Ирина Николаевна. Начальник отдела культуры. Взрослая и сильная женщина, у которой есть квартира, машина, планы на осень.

«Ого, какая телочка».

Бегу быстрее. Ветер хлещет по щекам. Или это слезы? Нет. Не слезы. Просто пот. Просто вечерняя прохлада. Просто...

Останавливаюсь у подъезда. Рука дрожит, пока набираю код. Дверь открывается с тихим писком. Вхожу в подъезд. В лифт. Зеркало в кабине отражает женщину с растрепанными волосами, красными щеками, сжатыми кулаками.

«Телочка».

Нажимаю кнопку своего этажа. Лифт ползет вверх. Медленно. В отличие от моих скачущих мыслей.

Он прав. Черт возьми, он прав - я злюсь не на него. Я злюсь на себя. За то, что остановилась у этого мотоцикла. За то, что сердце пропустило удар, когда он сказал «горячая». За то, что в тридцать четыре года я все еще реагирую на грубые комплименты, как школьница.

Дверь лифта открывается. Выхожу в коридор. Открываю квартиру. Строгую, идеально вылизанную до блеска. Чашки и тарелки – по росту, кровать с заправленными углами, книги цвет к цвету.

Нормальная жизнь. Стабильная. Предсказуемая.

«И такая скучная. Такая пустая. Как выведенное яйцо».

Бросаю кроссовки в прихожей. Стягиваю лосины и насквозь мокрый топ. Иду в спальню. Там зеркало в пол. Смотрю на свое отражение: вполне юное лицо без особых морщин, тело, которое еще не сдалось времени, глаза... глаза, в

которых горит что-то непонятное. Не слезы. Не злость. Что-то между.

«Телочка».

Бегом под душ! Вода ледяная - специально кручу до упора в синюю сторону. Хочу, чтобы обожгла. Чтобы вымыла из головы его голос. Его смех. Его взгляд, который...

«Видит меня? Ты которая когда-то была, а потом куда-то пропала? Меня настоящую? С мечтами... и... страстью?».

Стою под струей. Тело трясет.

«От холода! Просто от холода».

Выключаю воду. Оборачиваюсь полотенцем. Выхожу в гостиную. Беру телефон.

Экран светится. Одно уведомление.

«Прости. Слово «телочка» - дерьмо. Ты не телочка. Ты - очень красивая женщина. И да, тебе не шестнадцать. Тридцать четыре? Глянул в профиле (смущенный смайл). Но кто сказал, что это плохо? Как по мне, это возраст, когда только начинаешь понимать, чего хочешь на самом деле».

Смотрю на сообщение.

Удалить? Ответить? Сделать вид, что не видела?

Кладу телефон на стол. Лицом вниз.

Сажусь на диван. Смотрю в окно. За стеклом - город. Город, где все предсказуемо. Где трещины в ступеньках заделывают цементом, а не превращают в новые конструкции.

А завтра - снова работа. Снова папки. Снова Аристарх с

его предложением и кольцом.

И снова Иван - с его мотоциклом и его дерзостью.

И я не знаю - что страшнее: то, что он меня бесит.

Или то, что я вдруг позволила себе вспомнить то, о чем так давно не вспоминала.

Глава 9

Меня будит не будильник. Не соседский кот. А рев чудовища, которое явно сбежало из ада напрямиком во двор нашего сонного кооператива.

BBBB-RRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRRR

Открываю глаза. 02:17.

Идеальное время для того, чтобы задуматься о бренности бытия – или о том, кто именно сейчас устраивает концерт для мотоцикла с диагнозом «избыток тестостерона».

Подползаю к окну на четвереньках. Не из страха. Из профессиональной привычки: в тридцать четыре года ты уже знаешь, что любое действие требует оценки рисков. А вдруг там не просто этот чертов хулиган – то что там Иван сомнений нет, а «этот чертов хулиган» с фотоаппаратом?

Отдвигаю штору на миллиметр.

О, привет, ад.

Черно-красная «Хонда» стоит посреди двора, будто инопланетный корабль, приземлившийся среди мусорных баков и качелей с облезлой краской.

А этот чертов юнец сидит на моте.

Волосы торчат, как после бури страстей... Или может они просто встали дыбом от гениальности придуманного представления?

Сидит. Крутит ручку газа. Длинно. Протяжно. С душой.

На первом этаже загорается свет. Потом на втором. Третьем. Наш двор превращается в новогоднюю елку - желтые огоньки, под каждым из которых сейчас просыпается условная "бабушка с тапком" и готовностью вызвать не то что полицию, а лично прокурора.

"И видимо он приехал ко мне?!".

"Но я же не подписывала никаких договоров о ночных сесснадах под рев двухтактного двигателя!".

Телефон вибрирует на тумбочке. Раз. Два. Три. Как стук палача по двери.

«Выходи»

«Выходи прямо сейчас»

«Или я весь дом перебужу»

Вот же мелкий говнюк!

Пальцы сами набирают ответ:

«Ты зачем приперся?»

Пауза. Пять секунд. Десять. Он играет в молчанку - классика жанра для мужчин, которые считают себя загадочными. Ну хоть рычать перестал – и то дело.

«Надо поговорить», - прилетает наконец.

И чего так долго думал над таким умным ответом?

«Завтра на работе. Там для этого специально кабинеты придумали. Стулья даже есть».

«Нет. Сейчас. Или я останусь тут до утра. Обещаю - к утру у тебя в подъезде соберется народный сход с требованием выселить подозрительную жиличку. Ту, к которой приезжа-

ют на мотоцикле в два часа ночи».

Сжимаю телефон так, что он скрипит. В голове мелькает образ: я в пижаме, бегаю по двору с табличкой «Я его не знаю!».

«Я полицию вызову».

«Да пофиг. Начальник мой друг. Выпустят - я вернусь. С новым мотоциклом. Погромче. И с плакатом: „Ищу жену. Требования: терпение к моим выходкам и отсутствие чувства стыда“».

Смеюсь. Невольно. Но весело. Вот же стервец. Но чувство юмора хорошее.

«Хрен с тобой, иду».

«Только надень что-то поприличнее. Не хочу, чтобы соседи думали, будто я похищаю женщину в пижаме с единорогами».

Замираю. Он знает про единорогов?! Оглядываю себя. Ну да, мать вашу, я сплю в розовой пижаме с ушастыми мордашками...

«Или у тебя не единорожки, а плюшевые мишки с сердечками?»

Так. Стоп.

"Ира, соберись! "

Джинсы. Футболка. Толстовка. Кроссы.

В коридоре слышу, как за стеной бубнит баба Валя из 47-й: «Опять эти хулиганы! В наше время за такое...». Ее голос тонет в новом реве мотора - Иван, похоже, решил ускорить

процесс.

Лифт. Лестница.

Выхожу во двор.

Ну вот он красавчик. Сидит и лыбится. Довольная морда. Как будто сметаны объелся. Котяра чертов.

- На, - он протягивает мне шлем. Черный. С прозрачным забралом. – Специально для тебя.

- Чего?

- Надевай и поехали, - говорит.

Не вопрос. Утверждение. Как будто я уже согласилась, а он просто озвучивает факт.

- Ты с ума сошел? - голос срывается на фальцет. - Два часа ночи! Мне завтра на работу!

- Ты уже на работе, - усмехается он. - Ирина Николаевна, начальник отдела культуры. А я - главный архитектор. Мы в рабочих отношениях. Просто... выехали на выездное совещание. С повесткой дня: „Почему взрослые женщины боятся мотоциклов и мужчин младше себя“».

- Это не смешно.

- А кто сказал, что я шучу? Я серьезный архитектор. Я строю мосты. И разрушаю стереотипы. Иногда - в два часа ночи.

Я вздыхаю. А потом перевожу взгляд на мотоцикл. Черный зверь, дышащий жаром.

- Зачем? - шепчу. - Зачем ты приехал? Чтобы доказать, что можешь? Что ты - молодой, дерзкий, с мотоциклом и от-

сутствием базового чувства такта?

Он не отвечает сразу. Смотрит на меня - не на грудь, не на ноги, а в глаза. Как будто читает мелкий шрифт. И находит опечатку.

- Я знаю КАК тебе этого хочется, - говорит мягче. - Знаю. Поверь. Этот взгляд... ты... ты мото-леди. Стопроцентно. Просто почему-то так себе и не разрешила...

- Я не могу...

- Да? Ну значит я ошибся, - он пожимает плечами. - Бывает. Тогда увидимся завтра? Совещание в два, если не путаю. Обещаю, что буду вести себя как образцовый коллега. Буду говорить «да, Ирина Николаевна», «конечно, Ирина Николаевна». Но...

Он замолкает. И просто смотрит на меня. Долго. Долго.

- Но что, - не выдерживаю я.

- Но ты уверена, что на этом самом - ужасно важном совещании - ты сможешь думать о чем-то кроме одного: «и почему же я не...?».

Я опускаю глаза. И понимаю, что сейчас он произнес очень опасные слова. Потому что «а почему же я не...» - самая опасная мысль для женщины моего возраста.

Она ведет к непредсказуемым переменам.

К глупостям.

К фриivolностям.

И в конечном итоге к таким как ОН...

Сильным, смелым, молодым и чертовски-чертовски-чер-

ТОВСКИ СЕКСУАЛЬНЫМ...

- Ну? Поехали?

Глава 10

- Да пофик! – выдаю я.

Протягиваю руку и забираю у него шлем.

Удобный, не слишком тяжелый.

- Погоди, - он смеется. – Подшлемник еще надо.

Расстегивает куртку, достает из внутреннего кармана черную балаклаву. Протягивает мне.

- Надевай.

Я натягиваю черную бархатистую ткань с прорезью для глаз.

- Теперь шлем, - командует. – Аккуратно, сверху вниз. И смотри ушли не оторви. А то твой Аристарх Бобров жениться передумает. Кому нужна женщина без ушей?

Фыркаю. Но на всякий случай натягиваю медленно и аккуратно. Мир сужается до прозрачного овала. Запах пластика, моего шампуня для волос, его одеколona, которым пахнет балаклава - все смешивается в один густой коктейль под названием «я сошла с ума».

Он садится первым. Хлопает по сидушке сзади себя.

Ставлю одну ногу на подножку, вторую перекидываю. Легко, спокойно. Как будто всю жизнь на мотиках каталась.

- Держись за меня, - бросает через плечо. - За талию. Или за плечи. Как удобнее.

Обхватываю его. Руки находят место сами - под ребра, где

бьется сердце. Быстро. Ровно. Не как мое - сбившееся, перепуганное, ведущее себя как у подростка на первом свидании.

Он дает газу.

И мир взрывается ветром.

Мы вылетаем за пределы двора - мимо спящих домов, мимо фонарей, растягивающихся в желтые полосы. Ветер рвет одежду, врывается под джинсы, там где голые щиколотки. Но мне не холодно.

Я чувствую только его спину - твердую, горячую. Чувствую, как напрягаются мышцы, когда он наклоняет мотоцикл, чтобы вписаться в очередной поворот.

Чувствую жизнь - настоящую, не отполированную воском и кофе третьей свежести.

Мы мчимся к окраине. К полю. Там, где город кончается, а начинается небо - черное, усыпанное звездами, безумно далекое и близкое одновременно.

Иван сбавляет скорость. Останавливается у обочины. Глушит мотор. Делает жест рукой. Я киваю, прыгиваю. Он за мной.

Снимаю шлем. Вдыхаю ночной тягучий аромат трав.

Тишина.

Настоящая, густая тишина - без внешнего гула города. И без внутреннего монолога про «ты взрослая и успешная женщина, тебе надо выйти замуж, тебе надо жить спокойно и надежно...».

Губы начинают дрожать.

- Ну? - спрашивает он, наклоня голову на бок.

- Что «ну»?

- Стоило? Или я зря разбудил полдома ради женщины, которая, возможно, сейчас думает: «И какого черта я все это творю»?

- Не думаю, - вру я. - Думаю: «Какого черта все это творит ОН». Приехал ночью на мотоцикле к малознакомой коллеге. Увез ее к черту на рога.

Он вздыхает. Смотрит на меня - и в его глазах нет издевки.

- Ты боишься, - говорит он тихо. - Не меня. Не мотоцикла. Ты боишься этого.

- Чего «этого»?

- Что тебе понравилось. Все это понравилось. Ночь. Мотоцикл и двадцатилетний архитектор с отсутствием ма-
нер.

- Самомнением тебя боженька не обделил, - фыркаю.

- А вот тебя похоже еще как, - ухмыляется. – Могу своим поделиться, хочешь?

Смотрю на небо. На звезды. На черную линию горизонта. И впервые за годы чувствую - не пустоту. А возможность. Глупую, опасную, совершенно неподходящую для женщины моего возраста и статуса.

Нет. Ерунда!

- Поехали обратно, - говорю.

Он кивает. Надевает шлем. Я - за ним.

Когда мы подъезжаем к дому, во дворе стоит наряд ППС.

Два полицейских разговаривают с бабой Вале́й, та тычет пальцем в нашу сторону.

Иван подъезжает ближе, останавливается, снимает шлем и кричит:

- Все нормально, граждане! Это моя будущая жена! Мы просто... романтику устраиваем!

Полицейские переглядываются. Один усмехается. Другой качает головой.

- Документы.

Иван достает права. Показывает. Что-то шепчет на ухо старшему. Тот кивает. Отпускает руку с рацией.

- В следующий раз без концертов.

- Очень постараюсь. Но не могу обещать... А вдруг она передумает за меня замуж выходить? И сердце мое будет разбито!

- Ишь ты чего удумал, - произносит баба Валя. - Что она решит, то и решит. Но порядок есть порядок.

- Простите великодушно, - Иван улыбается той самой улыбкой с ямочкой, - Был неправ, исправлюсь.

Баба Валя грозит пальцем, а потом неожиданно улыбается в ответ, поворачивается и ковыляет к подъезду.

«Мда, обаяние у него конечно сверхъестественное».

- Будешь выезжать, сильно не шуми, - басит полицейский постарше.

- Принято, товарищ майор, - Иван кивает. – Доброй ночи.

- Да утро уже почти, - смеется младший, - Так что доброе

утро, граждане.

Иван смеется в ответ. Полицейские идут к своей машине, садятся и уезжают.

А он... он поворачивается ко мне, приподнимает одну бровь и произносит с ухмылочкой:

- Ну что, будущая жена? Проводить до квартиры? Чаю попьем. Ну или еще чем займемся...

Я таращусь, на секунду теряя дар речи.

- Ты же помнишь уговор, да? – продолжает.

- Какой уговор? – выдыхаю я, пытаюсь понять, о чем он сейчас вообще.

- Ну как какой, - он хохочет. Весело. Заразительно. – Села – дала!

Моя рука сама собою поднимается.

«Ты что драться с ним собралась?!» - мысль взлетает вверх как ракета, утаскивая мой здравый смысл за собой.

Но я не успеваю ее додумать, потому что он перехватывает мой замах.

С силой дергает меня на себя.

И я... я проваливаюсь в его объятия...

Глава 11

Его рука хватает мое запястье - не больно, но неотвратимо, как закон гравитации. Я падаю вперед. На его грудь. В запах кожи и ночного воздуха.

- Ты что творишь?! - выдыхаю я, но голос предает меня: срывается на хриплый шепот.

Он не отвечает. Только смотрит. Карие глаза в темноте - не глаза, а два черных зеркала, где я вижу свое собственное отражение: растрепанную, беззащитную, жадную.

А потом... потом целует.

Не губы. Сначала - висок. Потом щеку. Потом уголок рта - легкое, почти случайное прикосновение. И только потом - губы.

Его рот горячий, настойчивый.

Я должна оттолкнуть. Должна вклепить пощечину - ту самую, к которой готовилась секунду назад. Но вместо этого мои пальцы впиваются в его куртку. Цепляются за кожу, как утопающий за спасательный круг.

Мир сжимается до этого поцелуя. До вкуса его губ - сладковатого, как жвачка «Дирол», и чего-то горького под ним, настоящего. До шершавых подушечек пальцев на моей щеке. До звука - не мотора, не полицейских сирен, а моего собственного дыхания, слившегося с его.

Он отстраняется. На миллиметр. Смотрит на меня - и в

его глазах не торжество, не похоть. А вопрос.

- Да? - шепчет. - Ты хочешь этого?

Хочу.

Хочу так, что зубы сжимаются от напряжения. Хочу так, что колени подкашиваются. Хочу так, что готова забыть про то, что мы на улице, посреди двора...

Но вместо ответа я тянусь к нему сама. Целую. Жадно. Как будто это последний глоток воды в пустыне.

Он отрывает меня от себя - легко, как ребенка. Сажает на сиденье мотоцикла. Мои пальцы сами расстегивают пуговицу джинсов. Его руки - под моей футболкой, по спине, по пояснице, по месту, где кожа нежнее всего. Я запрокидываю голову. Вижу звезды - не на небе, а в собственных глазах, взрывающихся от прикосновения его губ к шее.

- Ты такая... - он не заканчивает фразу.

Да и не нужно. Слов не нужно.

Мои ноги обвивают его талию. Джинсы спущены до колен. Холод ночи на голой коже - и тут же его тепло, его твердость, его нетерпение. Он входит в меня - резко, без сомнений.

С губ срывается стон. Тихий, страстный, требовательный. Настоящий. Берущий начало где-то в моей самой высокой глубине. А следом срывается его имя. Не просьба, не мольба, а констатация факта: Иван, Иван, Иван.

Мотоцикл качается под нами. Металл скрипит. Звезды над головой танцуют в такт движениям. Его руки держат меня за бедра - меня, партнершу в этом безумии. Его лоб упи-

рается в мой. Дыхание смешивается...

- Смотри на меня, - требует он.

И я смотрю. В его глазах - сила, воля, власть. Власть над моим телом, жаждущим его прикосновений.

- Ты прекрасна, - шепчет он. - Ты... боже...

И я верю. Просто верю, что прекрасна. Не «хороша для своего возраста». Не «удобна в быту». А прекрасна. По-настоящему. Как прекрасна любая женщина в момент наивысшего чистейшего наслаждения.

Оргазм накрывает неожиданно - не волной, а взрывом. Коротким, ярким, безжалостным. Я кусаю ему плечо, чтобы не закричать. Он кончает почти сразу - глухо стонет, зарываясь лицом в мою шею.

Мы застываем. Дышим. Сердца бьются в унисон - два глухых, предательских органа, отказавшихся подчиняться разуму...

- Ира?

Я смаргиваю.

«Охренеть!».

«Ну просто охренеть!».

«Что это было?? Как это понять???».

Я выдыхаю, оглядываюсь. И понимаю, что я все еще просто стою посреди двора с рукой, занесенной для удара.

- Ирина Николавна? – в голосе удивление. – Ты в порядке? Я просто пошутил...

В горле ком. Щеки вспыхивают. Я опускаю руку. Медленно. Как будто в ней десять килограммов. Откашливаюсь.

- В порядке, - выдавливаю я. - Дурацкие шуточки у тебя...

Он усмехается. Та самая ямочка на щеке...

- Ну как знать, - говорит. - У тебя сейчас тааакое лицо было. Как в замедленной съемке. Знаешь? Когда сначала все так меееееделенно происходит. Зависает. А потом – бах и удар!

- Удар?

- Ну да, - наклоняет голову на бок. – Как будто ты сейчас отвиснешь и меня ударишь. Ну или в обморок грохнешься от негодования. Очень... драматично.

Хочу ответить. С сарказмом. Колкость, язвительность, хоть что-нибудь. Но язык немеет. Потому что в голове до сих пор эхо: ты прекрасна, ты прекрасна, ты прекрасна.

- Мне пора, - бормочу я.

- Понимаю, - кивает. - Утро уже почти. Провожать - так и быть – больше не предлагаю. Но спасибо за... интим.

- За что?! – вскидываю глаза.

- Иногда прогулка на моте очень похожа на хороший секс, - ржет он. – Горячо, страстно. Никакой имитации.

- А. Ну да. Пока, Иван... Кстати, как твое отчество?

- Вадимович.

- Пока, Иван Вадимович.

Я разворачиваюсь и бреду к подъезду, слыша, как за спиной заводится, а потом выезжает из двора мотоцикл.

Вашу ж мать, что это такое со мной было?

«Пора это заканчивать Ирина Николаевна».

К Аристарху что ли завтра поехать ночевать. Пока меня, как Милану, не разложили в общественном месте.

Хотяяаяя...

А кто мешает попробовать «разложить» его? Не в общественном месте, но...

Я замираю.

Зачем мне искать какую-то подругу, если я могу сама! Поиграть, а потом прилюдно бросить!

Отличная может получиться месть!

Только... вот... хочу ли я все еще ему мстить?

Или я просто хочу его?...

Глава 12

Весь остаток ночи я провалилась, ворочаясь с боку на бок. Считала овец, пыталась дышать глубоко и спокойно, представляя, что я плыву на облаке...

Даже включила аудио-медитацию, обещавшую, что я вырублюсь за пять минут.

Увы. Сон не шел.

В голове крутился мотоцикл, его голос «села - дала», запах свежей травы за городом и... и этот поцелуй. Выдуманный. Но как будто совершенно реальный.

Такой же реальный как мое тело под тонкой простыней.

И как его тело... его руки под футболкой, его стон в темноте и оргазм как взрыв...

В конце концов, то ли трек помог, то ли я просто задолбалась, но глаза-таки закрылись, и я уснула.

Когда будильник зазвенел в семь, рука сама потянулась и выключила его. Без раздумий. Как будто этот жест - не оплошность, а решение.

Проснулась в девять пятнадцать.

Сердце замерло. Потом заколотилось - глупо, панически. Я никогда не опаздывала. Ни разу за восемь лет работы в администрации.

Сажусь на кровати. Смотрю на потолок.

И вдруг - выдыхаю. Длинно. Свободно.

«Ну и пусть».

Сегодня я опоздаю. Впервые.

"И знаете что? Мир не рухнет!"

Я встаю и иду в душ. Как будто ничего не случилось.

Вода льется сверху - горячая, почти обжигающая. Пар поднимается к потолку, заполняя ванную густым туманом. Я стою под струей, закрываю глаза и вдыхаю влажный воздух. И тут - вспышка.

Его руки на моей талии. Металлический скрип мотоцикла под бедрами. Звезды над головой, танцующие в такт...

Горяча волна пробегает по телу. Руки – как будто сами по себе - тянутся все ниже, ниже и ниже... добираются до жаждающей моего прикосновения горошины... вот так да, вот так... быстрее, быстрее, быстрее...

Аааааахххх....

Горло перехватывает и по телу пробегает сладкая судорога...

Я выдыхаю и медленно сползаю по стеночке.

"Ну ты, мать, даешь!"

"А хорошо-то как".

Отдышавшись, лениво потягиваюсь и решаю все-таки нормально ополоснуться. Я же мыться пришла в конце концов! Шампунь, гель, зубная паста. Кажется, все. Выключаю воду и выбираюсь из ванной.

Оборачиваюсь своим любимым плюшевым полотенцем. А потом стираю пар с зеркала и пялюсь на свое отражение.

- Какая же дура, ты, Ирина Николавна, - шепчу я зеркалу.
- Тебе тридцать четыре года, а ты воображаешь секс на мотоцикле посреди двора. Как школьница. А потом... вот это еще все!

Но тело - тело радо. Ему хорошо. А еще... Оно как будто помнит то, чего не было. Губы, руки и горячий, неприличный отклик между ног - отклик на воспоминание о чем-то, чего никогда не происходило.

"Мда... Ну значит так и живем".

"Пора бы все-таки собраться и топать на работу..."

Я вытираюсь и шлепаю к шкафу.

Выбираю строгий темный брючный костюм к которому обычно ношу лодочки на девяти сантиметрах. Но сегодня... сегодня я решаю – к черту каблуки. Пусть будут кеды! Белые кеды! Да! И пусть только кто-то посмеет что-то ляпнуть. Кучу фоток в глянце видела. Это уже даже не тренд, это общепринятый стиль!

Когда я наконец добираюсь до работы, народ уже во всю пашет: кто-то с бумажками туда-сюда носится, кто-то в переговорке какую-то презентацию слушает, кто-то торчит в курилке.

Поднимаюсь на свой этаж. Тут почему-то на удивление спокойно. Только телефоны тренькают то там, то сям.

Я иду по коридору. Толстый ковер и каблуки-то мои обычно глушит, а сегодня я вообще как ниндзя – ни одного звука от моих шагов, только шелковая ткань костюма тихонечко

шелестит.

Вот и мой кабинет. Дверь приемной чуть приоткрыта. Делаю еще шаг и слышу два голоса. Женский с придыханием. Милана. И мужской, бархатный с хрипотцой.

Он.

Я невольно замираю. Давая себе вздохнуть перед тем, как я его увижу. После всего что было этой ночью.

И тут до меня долетает:

- ...она меня не уволила, - воркует Милана. Голосок как мед.

- Ну наверное уже и не уволит, - отвечает он. Голос ровный и очень уверенный. - А если ты подберешь к ней ключик, то может, еще и зарплату повысит.

- Ключик? - Милана растягивает слово, как жвачку. Липкая, розовая жвачка. - Какой ключик?

- У каждой телки есть слабости. Вот ты – кукла. Но пипец горячая. А она...

- Чего это я кукла? – в голосе обиженные нотки.

- А она... она как древнегреческий храм. Красивая, но... заброшенная и пустая внутри.

- И такая же старая, - хихикает Милана. – И чего, ты-то ключик к ней уже подобрал?

Пауза. Длинная. Такая, что я успеваю услышать, как часто и громко колотится мое сердце.

- Возможно, - говорит Иван.

И в этом «возможно» - не сомнение. Игра. Кошка, которая

уже поймала мышь, но еще не откусила ей голову.

Холод. Ледяной поток окатывает меня с ног до головы. Вымывая все галлюцинации и горячие фантазии.

- Вань, ты че? Ты ее...?

- Ее что? – говорит он.

Я прям-таки вижу мерзкую ухмылочку на его наглой роже.

- Ты ее трахнул? - Милана не стесняется. Ей двадцать два. Ей можно.

- Тебя это не касается, - отрезает он. В его голосе - сталь.
- Ты забыла, о чем мы договорились? Только секс и никаких расспросов, никакой ревности.

Милана вздыхает. И в этом вздохе вся ее глупая сущность: она приняла его условия, но она так надеется, что условия поменяются. Идиотка.

«Впрочем, я не лучше».

- Но, - продолжает Иван, - Но я тебе отвечу. Нет. Я не занимался с ней сексом. Пока еще нет.

«Пока».

Это слово бьет сильнее пощечины. Не «никогда». Не «она не такая». А «пока». Как этап проекта. Как срок сдачи макета. Как нечто, что обязательно произойдет - просто вопрос времени и расчета.

Мои кулаки сжимаются. Я делаю резкий выдох.

Ну что же...

Зайти и вломить им обоим?

Или... сделать вид что я ничего не слышала?...

Глава 13

Я делаю глубокий вдох. И открываю дверь.

Картина, достойная музейной экспозиции под названием «Молодость и наглость».

Иван сидит на краю стола Миланы, одной рукой обнимает ее за талию, другой листает документы. Милана прижимается к нему всем телом, пальцы с персиковым лаком держат изящную чашку. Мизинец оттопырен - ни дать ни взять особа королевской крови, ага.

Щеки пылают. От кофе? От чего-то другого?

Идиллию нарушает мое появление. Милана отскакивает, будто ее ударило током. Лицо - маска испуганной овечки.

Иван поворачивает голову. На губах - та самая усмешка, от которой вчера ночью (*в моих галлюцинациях, блин!*) у меня перехватывало дыхание. Сейчас она вызывает только ледяной ком в горле.

- Ирина Николаевна! - Милана автоматическим жестом поправляет юбку, голос дрожит. - У вас все в порядке? Вы так поздно...

Мои губы сами растягиваются в улыбке. Той, что я как-то видела в ролике, а потом даже пыталась практиковать перед зеркалом на всякий случай.

Называется «улыбка открытая, но нефамильярная».

То что надо сейчас.

Открытая. И очень-очень-очень нефамильярная.

- Все в полном порядке, Милана, - говорю я. Голос ровный, как лезвие. Ни скола, ни трещинки. - Просто утренняя встреча вне офиса. Непредвиденная. Очень... продуктивная.

Иван спрыгивает со стола. И почему я сравнивала его с медведем? Медведи сильные, но косолапые же, да?

«Мишка косолапый бла-бла-бла».

«Господи, о чем я думаю?».

Хотя понятно о чем. Об этом котяре. И его движениях - плавных, как у пантеры, которая только что закончила обед.

Поправляет свитер - сегодня под цвет глаз, которые сейчас смотрят на меня с неподдельным интересом.

- Я пришел обсудить план праздника, - говорит он. Без тени смущения. Только бархат и хрипотца, от которой раньше мурашки бегали. Сейчас бегают тоже - от холода.

- Но вас не было, - продолжает. - Милана любезно угостила кофе. И показала новую систему документооборота.

Любезно угостила. Показала систему. Как же гладко. Как будто не обсуждали меня за спиной. Не называли «заброшенным храмом» и «старой теткой».

Я бросаю взгляд на Милану. Ее глаза - два испуганных озера.

- Какая Милана умница, - в голосе столько иронии, что если бы она была жидкостью, мы все захлебнулись бы. - Таких секретарей днем с огнем не сыщешь. Умеет и кофе сва-

ритель, и систему показать, и... личные беседы поддержать.

Милана краснеет до корней волос. Иван прищуривается. Слышит подтекст. Конечно, слышит. Он же не дурак. Он хищник. А хищники чуют ловушку.

- Милана, - продолжаю я, - Принеси мне кофе. Как обычно. Черный, без сахара. И... добавь лимон. Сегодня почему-то хочется кислинки. Чтобы смыть привкус непредвиденных встреч.

Она кивает, почти падая в обморок от облегчения, и вылетает из приемной. Каблуки стучат, как метроном, отсчитывающий последние секунды ее карьеры. Или моего терпения. Не разберешь.

- Иван Вадимович, - говорю я, поворачиваясь к нему. - Прошу вас. Пройдемте в мой кабинет. Там будет удобнее. Присядем – поговорим. Не все же на чужих столах зависать.

Не жду ответа. Иду. И сзади слышу его шаги - тяжелые, уверенные. Он понимает: пойти надо, но его это ни капли не смущает.

Я прохожу к своему столу, чувствуя, как он пялится мне в спину. Сажусь.

Он закрывает дверь. Плотно. Мне даже кажется, что он сейчас ключ в замке повернет. Но нет. конечно, нет. Просто плотно – чтобы ни звука не просочилось.

"Учел ошибку, ага".

- Присаживайтесь, - произношу я елеинным голосом.

- Да я постою, пожалуй, - улыбается. Руки в карманах.

Волосы торчат. Выглядит как с обложки: «Стиль. Свобода. Секс».

«Идиот».

- Ты все слышала, да? - спрашивает.

Хотя это не вопрос. Утверждение. Видит по моим глазам. По спине, прямой, как струна перед разрывом.

Молчу. Просто смотрю на него и молчу.

- Вижу, что слышала, - усмехается.

А потом подходит ближе. И присаживается на край стола. Точно, как в приемной. Только теперь стол мой.

- И что ты думаешь по этому поводу? - голос тише. Почти серьезно.

Молчу. Смотрю.

В его глазах - не страх. Не раскаяние. Любопытство. Он ждет взрыва. Как ребенок с бензиновой бочкой и спичкой.

Откидываюсь на спинку стула. Лицо - маска. Идеальная маска Ирины Николаевны, начальника отдела культуры. Ну давай, давай, что ты там еще придумаешь. Очень интересно будет послушать!

Он вздыхает. Проводит рукой по волосам.

- Ну так знай, - говорит он. - Я правда думаю, что ты прекрасна. Как античный храм.

И улыбается – во все свои ровные красивые белые тридцать два зуба.

Своей милой невинной улыбкой, от которой даже у самой вредной бабки нашего подъезда, не оставляющей без скан-

дала ни один брошенный окурок, снесло крышу.

«*Ах ты ж мелкий паршивый гаденыш!*», - проносится у меня в голове...

Глава 14

Пауза затягивается. Он пялится на меня. Я плююсь на него.

Наконец мне надоедает играть в гляделки.

- Античный храм? - медленно поднимаю бровь. Одну. Как он сам любит делать. Голос сухой, как пустыня. - Тот самый, что в руинах? С обвалившимися колоннами? С пустотой внутри? Тот, где раньше жили боги?

Он моргает. Не ожидал.

- Нуууу. Нет! Не так, - говорит. - Не в руинах. Тот, что сохранился. Несмотря на время. Несмотря на людей, которые пытались его разрушить. Красивый. Сильный. С историей в каждой трещине.

Трещина. Опять. Любимое слово. Философия, блин.

«Ну-ну».

- Иван Вадимович, - говорю тихо. - Понимаете... Античный храм, это же не только постройка. Не только и столько...

Молчит. Ждет.

- Это место, где живут боги, - продолжаю. - Несмотря на то, что люди забыли их.

- Думаете? - смеется. - Все равно живут?

- Именно, - я фыркаю. - И есть еще один нюанс. Боги - ну в этих храмах - не одобряют тех, кто сначала называет их храм «заброшенным», а потом пытается вломиться туда

с кувалдой.

Он открывает рот. Закрывает. В глазах - что-то похожее на уважение.

Я отворачиваюсь к окну. Площадь. Бабушки. Дворники. И никаких кувалд. Обычная нормальная жизнь. Моя жизнь!

- Ир, - почти шепотом, каким-то беззащитным шепотом. Если такие бывают, конечно. - Прости. Я... Я не хотел тебя обидеть.

Поворачиваюсь.

- Ты не хотел обидеть? - повторяю. - Ну конечно не хотел. Просто действовал как архитектор, да?

Он хмурится. Не понимает.

- Ну как у вас архитекторов заведено? – продолжаю. – Чтобы построить новое надо снести старое, да?

- Нуууу... даааа..., - тянет все еще не понимая.

- Вот ты. Ты – молодой, сильный, умный, красивый Ваня – ты строишь сейчас что-то. Свое. Возможно, ну с твоей точки зрения, прекрасное. Но мне – как античному храму, который ты сносишь по пути, даже не задумываясь об этом – может быть больно.

Он щурится.

- Хотя архитектор, - говорю я, - Не думает о том, что его строительный материал испытывает чувства, да? Что он – живой.

- Знаешь в чем твоя ошибка? – спрашивает.

- Ошибка?

- Да, ошибка в твоих рассуждениях. Знаешь какая? Я не хочу сносить. Я хочу... реставрировать.

«Реставрировать».

Слово висит в воздухе.

Я буквально вижу его своими глазами. Как... голограмму.

И тут внутренний голос хихикает: *«Ну конечно, ты, Ирина Николаевна, - храм. А он - типа реставратор с кисточкой. Ну или дудочкой. Тоже нормальная метафора. Он тебя отреставрирует и табличку повесит: Сделано Иваном Вадимовичем Соколовым. Гарантия - до конца сезона...».*

- Отличный план, - я выдаю свою самую любезную улыбку.
- Но вот только у меня просьба. Мааааленькая такая просьба. Давайте ко мне его применять не будем. Есть множество других зданий для... твоих экспериментов. Договорились?

Смотрит. Долго. Молча. Потом кивает.

- Как скажете, Ирина Николаевна, - произносит очень сухо. - Не вижу препятствий к тому, чтобы вашу мааааленькую просьбу выполнить.

- Ну вот и отлично, - резюмирую я. - Могу еще чем-то быть полезна?

- Да нет, на самом деле, - улыбается. Холодно. Жестко.
- План праздника у вас на почте. Если будут комментарии - вносите в режиме рецензирования. Собственно, это ваше мероприятие. Я просто думал оказаться полезным. Но как решите, так и решите.

- Вот и отлично, - киваю. - До свидания Иван Вадимович.

- Всего хорошего!

Он разворачивается, идет к двери. Но на пороге останавливается.

- А кеды тебе очень идут, - бросает через плечо. - В них ты... клевая очень.

Дверь закрывается.

Я сижу. Дышу. Считаю до десяти. До ста. До тысячи.

Потом беру телефон. Набираю Аристарха.

- Алло?

- Давай кольцо купим сегодня, - говорю я. - После работы. В семь. В том ювелирном на Советской.

- О, вот и отлично! - его голос полон такой искренней радости, что мне становится стыдно.

- Выберем что-то простое и симпатичное, - зачем-то добавляю я.

- Вот еще. Бриллиант! Самый большой, какой найдется, - смеется он. - Моя будущая жена должна всех сражать наповал своим блеском.

«Блеском твоего бриллианта», - пролетает противная мысль.

Отгоняю.

- Ну, - выдыхаю, - Хорошо, милый, - выдавливаю из себя. - До вечера.

Кладу трубку. Смотрю на папки на столе. Она все лежат черте-как. Хаос. Сплошной хаос!

Ну нет. Я тянусь и поправлю так как должно быть. Потому

что безопасность - это не слабость. Это выбор.

Выбор взрослой женщины, которая знает: мечты о мотоциклах ведут к разговорам за закрытыми дверями. А стабильность - к кольцу на пальце и тихим ужинам без рева моторов в два часа ночи.

Я открываю ноутбук. Начинаю читать почту.

Но буквы плывут.

Сливаются в одно слово.

«Пока».

А следом в голове звучит его голос.

«Пока еще нет»...

И если уж совсем честно, я ведь не уверена в том - чье это «пока».

Его?

Или мое...

Глава 15

Ювелирный магазин блестит и переливается. Царство веселых искр и бликов. Хрустальные люстры отражаются в стеклянных витринах, создавая иллюзию бесконечности: кольца за кольцами, бриллианты за бриллиантами, надежды за надеждами.

Аристарх уже стоит у прилавка, расправив плечи так, будто пришел не за кольцом, а подписывать контракт на строительство ресторана на Красной площади.

- Покажите все самое лучшее и самое дорогое, - командует он, не глядя на продавщицу. Голос звучит так, будто он в своем заведении заказывает свой собственный стейк.

Продавщица - хрупкая блондинка в строгом черном платье - кивает с таким выражением лица, будто только что получила приказ от самого царя Соломона. А потом выкладывает на черную бархатную подложку два кольца.

Первое - массивное, с бриллиантом размером с мою совесть. Второе - тоненькое, изящное, россыпь мелких камешков, которые переливаются, как роса на паутине ранним утром.

- Почему камни разные, а ценник одинаковый, - интересуется мой суженый, наклоняясь к блестящей ювелирке.

- Тут камень, а тут особая дизайнерская работа, - поясняет девушка.

- Что за дизайнер?

- Ведущий дизайнер фабрики – Антон Петров, но боюсь его имя вам ничего не скажет...

- И смысл тогда платить за его «дизайн», - фыркает Аристарх практически ей в лицо, а потом поворачивается ко мне.
– Ну как? Какое больше нравится?

Смотрит на меня, но пальцы уже тянутся к первому. К «настоящему».

Я молчу. Перевожу взгляд с одного на другое. Массивное кольцо кричит: «Смотри на меня! Я - статус! Я - победа!». Тоненькое шепчет: «Я - твой выбор. Я - то, что ты хочешь».

- То, которое поменьше... вроде посимпатичнее, - выдавливаю я.

Голос звучит чужим. Слишком тихим для такого решения.

Аристарх хмурится. Откладывает массивное кольцо обратно на бархат, но так, будто оно его обидело. Опять поднимает взгляд на меня.

- Мы же договорились: у тебя будет самый крупный камень. Ты уверена в выборе?

Смотрю на него. На идеально уложенную прическу. На золотые часы. На дорогой костюм. Ну конечно он хочет чтобы у его «жены» был огромный камень... слава богу, что не на шее...

- Милый, - говорю тихо. - Я ни в чем не уверена.

Он замирает. Впервые за три года вижу в его глазах не

уверенность ресторатора, а растерянность мужчины.

Но он смаргивает и быстро прячет ее за маской деловитости.

- Тогда я сам выберу, - говорит. - Наверное, это была плохая идея - приехать сюда вместе. Надо было купить и подарить. Сюрприз.

Сюрприз. С одной стороны – да, наверное, так было бы лучше. Но с другой, обручальное кольцо - это не подарок на 8 марта, а символ того, что я собираюсь связать свою жизнь с человеком, который его подарил.

"И может быть тут уместнее не «сюрприз», а мое мнение?".

Отгоняю мысли. Улыбаюсь Аристарху.

- А давай так и сделаем, - говорю я. - Покупай что считаешь нужным. А я тебя на улице подожду.

Не жду ответа. Поворачиваюсь и иду к двери. Кеды – как же в них все-таки удобно ходить! - мягко шелестят по мраморному полу. На пороге слышу:

- Не переживайте, - говорит продавщица Аристарху тихим, сочувственным голосом. - Невесты всегда перед свадьбой очень волнуются.

Чуть не фыркаю в голос. Она думает, что я волнуюсь.

А я вот вообще не волнуюсь! Ни капельки. Мне – и это самое страшное – по большому счету все равно. И поэтому я оставлю выбор Аристарху. Ему будет приятно смотреть на меня каждый день и этим булыжником на пальце и думать:

«Это правильный выбор. Двух взрослых, уверенных, обеспеченных людей».

Выхожу на улицу. Солнце слепит. Достая телефон. Набираю маму.

- Мам, мы купили кольцо.

Тишина. Потом - всхлип. Потом - смех сквозь слезы.

- Ох, Ирочка! Наконец-то! Я так рада! Так счастлива! Расскажи все! Какое кольцо? Большой камень? Аристарх молодец, золотой человек!

- Большой, мам. Самый большой. Блестит как солнце.

- Вот и отлично! Теперь все будет хорошо. Теперь ты не одна.

- Спасибо, мамуль. Заеду завтра, все покажу и расскажу.

- Целую тебя, моя девочка!

Кладу трубку. Смотрю на свои пальцы. Пустые. Голые. Как мои мысли в этот момент.

Подъезжает машина Аристарха. Черный «Мерседес» - такой же надежный, такой же предсказуемый, как и он сам. Открываю пассажирскую дверь. Сажусь, смотрю на него. Лицо довольное. Уверенное. Он сделал свой выбор. И считает, что это - наш выбор.

Он протягивает мне коробочку. Я качаю головой.

- Поедем к тебе? - говорю, улыбаясь. - Подаришь как полагается. С ужином и шампанским. Отметим событие так сказать.

Он замирает. Потом улыбается в ответ - широко, искрен-

не. Как ребенок, которому подарили долгожданный подарок.
- Конечно!

Машина плавно трогается с места. Мы выезжаем за город. Дорога пустая. Солнце садится, окрашивая небо в оранжево-розовые тона.

Я смотрю в окно. Думаю о том, как правильно расставить книги на полках в его доме. О том, как будет пахнуть кофе по утрам. О том, как я стану Ириной Бобровой - с фамилией мужа, с кольцом на пальце, с нормальным, обеспеченным, прекрасным будущим.

И тут - рев.

Знакомый, хриплый, дерзкий рев мотора.

Поворачиваю голову.

Мимо нас со свистом проносится черно-красная «Хонда». На заднем сиденье - девица. Руки обнимают его за талию.

Идеальная картинка идеальной жизни красивого котяры...

Глава 16

Я провожаю взглядом летящий по дороге мотоцикл. Он мчится туда, куда хочет. С той, кого выбрал в эту минуту.

Как и я, впрочем.

"Я тоже выбрала! Никто же меня силком не тащит замуж!".

Аристарх замечает мой взгляд.

- Опять этот архитектор со своим мотоциклом, - бурчит он. - Хулиган. Надо будет мэру слово сказать. Пусть наведет порядок.

Киваю. Молчу. Но вдруг замечаю, что сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в ладошки.

"Он мчится туда, куда хочет, а я еду туда, куда надо! Туда, куда правильно! Туда, куда едут все взрослые нормальные умные женщины!".

И кто знает, что на самом деле лучше?

Ну вот покатается он так еще пару-тройку лет. А потом что? Захочется же – и дом свой, и женщину надежную рядом. А не менять со скоростью света всех этих бесконечных «селедок» с ногами от ушей!

Машина сворачивает к поселку, проезжает КПП – ворота открываются автоматически – и поворачивает на гравийную дорожку, ведущую к дому Аристарха.

Кирпичный особняк в стиле «европейская классика, но с русской душой», как он сам любит говорить. Трехэтажный. С большими окнами и панорамной верандой. Гараж на три машины. Фонтан посреди идеально подстриженного газона - вода журчит тихо, умиротворяюще.

Но вот сад...

"Тут я, пожалуй, наведу порядок".

Цветов нет. Деревья по периметру участка подстрижены в геометрически правильные шары. Ни одной ветки вне композиции. Ни одного листочка вне места. Как в каталоге „Мечта о загородной жизни для успешных людей". Страница 47. Подпись: „Ваш статус требует идеала“.

А я не хочу идеально-бездушных деревьев. Пусть будет настоящий живой, цветущий сад.

Аристарх паркуется. Выходит. Обходит машину, открывает мне дверь. Протягивает руку. Я беру ее. Его ладонь сухая, теплая.

- Добро пожаловать домой, - говорит он. И в его голосе - такая искренняя нежность, что мне опять становится стыдно.

Стыдно за то, что я смотрю ему в глаза и думаю о другом мужчине.

Стыдно за то, что я только что видела Ивана с другой - и почувствовала не облегчение, а острый, колющий укол ревности.

Стыдно за то, что я сама предложила приехать сюда сего-

дня - не потому что хочу его, а потому что хочу доказать себе: я могу. Я выберу безопасность. Я откажусь от хаоса.

Мы заходим в дом. Аристарх включает свет.

Интерьер «дорого-богато». Итальянский мрамор на полу. Книжные полки – сплошь кожаные переплеты разных оттенков коричневого. Роскошный диван цвета виски.

Но вот картины у него все настоящие - работы малоизвестных, но хороших художников. А еще есть камин и шкура на полу перед ним. А на каминной полке - фотографии. Аристарх на рыбалке. Аристарх на охоте. Аристарх, принимающий от мэра знак «почетный гражданин».

И... Аристарх и я на океане.

"Черт, ведь нам было же тогда очень неплохо!"

- Шампанского? - его голос выдергивает меня из раздумий.

- Да, конечно!

Он улыбается. Идет на кухню. Я остаюсь одна в гостиной. Подхожу к окну. Смотрю на дорогу, которая пелает вдаль. Там уже никого нет. Только пустая асфальтовая лента, уходящая в темноту.

Но я все еще вижу его. Вижу, как он наклоняется в повороте. Вижу, как девица прижимается к его спине. И вижу, не воочию, конечно, но точно вижу, как он смеется - громко, беззаботно, свободно.

Он не хочет сносить, - вспоминаю его слова. - Он хочет реставрировать.

Нет уж, фигушки! Я буду жить свою жизнь так как считаю нужным. Потому что это реальная жизнь, а не архитектурная философия!

Аристарх возвращается с бутылкой шампанского и бокалами. Наливает. Протягивает мне один. Поднимает свой.

- За нас, - говорит он. Глаза светятся. - За нашу жизнь. За наше будущее.

- За нас, - повторяю я. И пью. Пью до дна. За нас!

Аристарх улыбается. Берет мою руку. Достает из кармана коробочку, вынимает кольцо. Конечно, с огромным камнем. Впрочем, я и не сомневалась. И надевает его мне на палец.

- Мы с тобой будем очень счастливы, - говорит он. - Обещаю.

Киваю. Улыбаюсь. Стараюсь, чтобы улыбка выглядела настоящей.

А в голове - вопросы, который крутятся, как мотоциклы по треку:

Почему, увидев его с очередной девицей, я не почувствовала облегчения?

Почему я до сих пор думаю о нем?

И почему я сама предложила приехать сюда? Ведь не для того, чтобы быть с Аристархом... а чтобы убежать от себя?

Что же это получается? Тварь я на самом деле? Аристарх правда же хочет на мне жениться. Пусть не по большой любви, но хочет. И хочет сделать меня счастливой.

А я что? Поддалась обаянию какого-то малолетки и хочу

пустить под хвост все свое будущее? Это же чушь на самом деле, что жениться надо по большой любви, да?

Я же сама всегда была уверена, что надо так, чтобы точно знать, что тебя ждет. И хорошо бы - это была уверенность в завтрашнем дне. С тем, кто тебе эту уверенность может дать!

Ставлю бокал на стол. Он берет бутылку. Наливает.

- За тебя! – говорю я уверенно.

- И за тебя, - отвечает он.

Чокаемся. Выпиваем. Голова потихоньку начинает кружиться. Ну в целом немудрено. Я ж не ела сегодня ничего... Да и спиртное на меня всегда действует странно – пьянею я как-то моментально.

"Так, в топку сомнения!"

Я подхожу к своему будущему мужу и шепчу:

- Может быть пойдем наверх?

- Конечно, дорогая. Обязательно пойдем! Только еще по плоточку. Такое событие!

Я киваю. А потом бросаю взгляд в окно. На темное небо. На окна соседних домов. На висящую низко-низко огромную белую Луну, освещающую Землю призрачным, мистическим светом. Светом, которому когда-то поклонялись первые древние люди.

И вдруг думаю:

Античные храмы не для реставрации. Они для того, чтобы люди помнили, что в них когда-то жили боги.

И мне нужно вспомнить – обязательно, непременно, пря-

мо сейчас – вспомнить как это: «чувствовать себя богиней».

Ну что же. Попробуем!

Глава 17

Лестница поднимается вверх. И вверх. И еще вверх. Как будто мы не в доме, а на Эвересте. Аристарх держит меня за локоть - крепко, надежно. Я улыбаюсь. Широко. Очень широко. Щеки уже устали.

- Ты в порядке? - спрашивает он, наклоняясь ближе.

- В полном! - голос отчего-то звучит как из бочки. - Простое... лестница сегодня решила со мной пошутить. Она какая-то нескончаемая.

Он смеется. Теплый, довольный смех. Ну а как. Он - мужчина, который только что надел на палец своей женщины кольцо с бриллиантом размером с булыжник. Мужчина, который уверен: все идет по плану.

Только план сегодня будет мой. И по этому плану: я - богиня. Я - античный храм, в котором снова живут боги.

"Да! Я - Ирина Николаевна, которая стала богиней!"

Только вот есть маленькая проблемка... Богини, похоже, не пьют шампанское.

А я выпила. Два бокала. Нет - три. Тот первый - за нас. Второй - опять за нас. Третий... за него. Ааааа... еще же и четвертый... точно.... взяла бутылку, плеснула и жахнула перед тем как начать взбираться по этой чертовой лестнице.

Ладно, еще всего то несколько ступеней.

"Ура, мы добрались!"

Дверь спальни открывается. И передо мной - простор. Огромная кровать с балдахином. Белоснежное постельное белье. Пушистый ковер, в котором утопают ноги. На тумбочке - свечи.

Аристарх проходит к ним. Щелкает зажигалкой. Раз, два, три, пять...

Зажжены. Мерцают. Романтика.

«Вот оно! Момент! Сейчас я буду богиней!».

Аристарх выключает верхний свет и поворачивается ко мне. В его взгляде - желание?

"Блин, темно. Не разобрать".

"Так. Конечно желание! Как может быть по-другому? Наверняка он меня страстно хочет!".

- Ты прекрасна, - говорит он, подтверждая мои мысли.

Сердце делает сальто. Но не от страсти. От воспоминания. Именно эти слова произнес он. Или... нет? Точно нет! Галлюцинации не разговаривают!

«Ира, соберись».

Я делаю несколько шагов к Аристарху, так и застывшему у тумбочек со свечками. Не пойму, чего он там завис? Щас мы его растормошим!

- Раздень меня, - шепчу я.

Стараясь шептать максимально сексуально. Только голос почему-то срывается на фальцет, и получается что-то среднее между Мэрилин Монро и испуганной мышкой.

Аристарх улыбается. Тянет руки, начинает расстегивать

пуговицы моей блузки.

И тут я решаю: нет! Я сама. Богиня сама управляет своим телом!

Отстраняю его руку. Делаю шаг назад.

"Сейчас я покажу тебе милый".

Поднимаю руки над головой и начинаю медленно, томно извиваться. Представляя себя танцовщицей. Ну типа как в перформансе Ивана. Как он там его назвал? А, «Город танцует».

"Сейчас танцует мой город! Да! Город в моей голове!"

Стягиваю пиджак. Бросаю в угол. Отлично. Можно переходить к брюкам.

Я кладу руки на бери и тяну молнию вниз.

"Не тянется".

Тяну опять.

"Заело".

Дергаю. Не идет сучка! Дергаю сильнее. И вдруг слышу тихий ттррррр.

"Порвала любимый костюм? Он же денег стоит охулард! А не, это что-то другое треснуло. Не пойми что, правда..."

- Давай я помогу, - говорит Аристарх, делая шаг ко мне. И выдергивая из попыток понять, что же я порвала.

- Я сама, - поднимаю на него взгляд. - Я богиня, милый, - мурлыкаю, ну то есть стараюсь мурлыкать, - А богини не нуждаются в помощи.

Он таращится.

А я думаю: "Мда. В помощи богини, конечно, не нуждаются, но вот в застёжках застревают еще как!"

Я еще раз - уже аккуратно тяну молнию вниз. Даааа! Есть!! Молния поддается, и я провожу руками по бедрам - вниз-вниз-вниз - стягивая брюки. И... начинаю терять равновесие!

Я инстинктивно делаю шаг вперед, путаюсь в брюках и падаю...

"Мягко? Аааа, кровать. Оооо, подушка!"

Слышу, как Аристарх тихонько хихикает.

- Чего? – бурчу.

- Ты уверена, что тебе не нужна помощь? - спрашивает он.

- Абсолютно! - бормочу я в перья. - Просто... временно приземлилась.

- Но я, пожалуй, помогу, - шепчет. А потом переворачивает меня и аккуратно стягивает мои брюки, обвившие щиколотки. Я приподнимаюсь. Он наклоняется и помогает мне встать, попутно снимая с меня блузку.

Я остаюсь в белье. Черном. Кружевном.

"Как знала, что сегодня надо надеть что-то поприличнее обычных «неделек»".

- Ты красивая, - говорит Аристарх, окидывая меня взглядом.

А потом притягивает к себе и целует. Губы, шея, ключица... Руки скользят по спине. Находят застёжку. Освобожда-

ют грудь. Он тянется к груди губами, а я закрываю глаза...

И понимаю, что веки стали тяжелыми. Очень-очень тяжелыми. Невыносимо тяжелыми. Как будто к ним приклеили гирьки...

"Не спать! У тебя помолвочная ночь!"

Заставляю себя открыть глаза и натыкаюсь на взгляд Аристарха.

И теперь вижу ясно - да, он меня хочет.

Я растягиваю губы в улыбке, а он тянет меня кровать. Накрывает собой. Его губы на моих. Его руки - везде. Я пытаюсь отвечать, двигаться в ответ, в такт. Но движения получаются почему-то очень вялыми. Как у марионетки, которой оборвались нитки.

- Ира? - шепчет он. - Ты со мной?

- Со... тобой... - выдыхаю я.

Но тело не слушается. Голова кружится. Кровать качается. Или это я качаюсь? Не разобрать.

Аристарх целует меня в шею. Его рука скользит ниже. Я пытаюсь сосредоточиться. Стараюсь хотеть. Но вместо желания - туман. Густой. Уютный. Приглашающий.

- Ир... - его голос звучит издалека. - Ты... спишь?

Я открываю глаза. Смотрю на него. Улыбаюсь.

- Нет... - шепчу я. - Я... богиня...

И в этот момент глаза закрываются окончательно.

Последнее, что слышу: его смех. Снисходительный.

И слова:

- Ну что ж... богиня устала.

Глава 18

Я просыпаюсь от холода.

Открываю глаза. Комната темная. Свечи догорели. За окном - ночь. Глубокая. Тихая.

Одеяло сползло. Я лежу на боку, свернувшись калачиком. Аристарх спит рядом. Спокойно. Ровно дышит.

Я переворачиваюсь на спину, натягиваю одеяло, смотрю в потолок.

В голове - тишина. И стыд.

Богиня заснула.

Не в процессе. Не в кульминации. А до. До всего. Как ребенок, которому скучно на взрослом празднике.

Хихикаю. Тихо. Чтобы не разбудить его.

Представляю, как он расскажет об этом друзьям: «Ну, открыл шампанское... зажег свечи... а она - бац - и уснула. Прямо в кружевном белье. Спящая красавица, блин».

Поворачиваюсь на бок. Смотрю на Аристарха. Его лицо в свете луны - спокойное.

Интересно, он злится? Или обижается?

Или он просто принял все это как данность? Мою нелепую попытку быть сексуальной. Мой сонный храп. Да, я когда пьяна – храплю как толпа матросов. Принял меня - не богиню, а обычную женщину, которая может напиться и уснуть в самый неподходящий момент?

И вдруг думаю: может быть это и есть любовь? Не страсть. Не огонь. Не оргазмы на мотоцикле под звездами. А вот это - тишина, принятие, знакомое лицо на подушке рядом.

Вздыхаю и аккуратно встаю.

Очень хочется пить...

Накидываю халат, лежащий на кресле. Бархатный. С инициалами А.Б. И спускаюсь вниз. Пол холодит голые ступни, но это даже приятно. Иду на кухню, наливаю полный стакан воды.

Господи, как же хорошо! Явно не хуже того, что мы пытались исполнить в спальне. Ну вернее я пыталась. Разнообразить, так сказать, нашу сексуальную жизнь. Которая... ну если быть честной хотя бы с самой собой... у нас довольно скучная.

Ладно.

"Замуж выходят не за сексом, в конце концов!"

Я наливаю еще один стакан и иду в гостиную. Внезапно хочется затопить камин. Я знаю, как это делается – Аристарх показывал.

Огонь занимается быстро. И весело пляшет на бревнах.

Я беру диванную подушку и ложусь на шкуру. Блин, как же кайфово! Пожалуй, за него стоит выйти хотя бы ради камина...

Я поворачиваюсь на бок. Закрываю глаза. И неожиданно снова засыпаю.

И во сне вижу: я стою на площади. Вокруг - люди. Бабуш-

ки. Дворники. Милана. Иван. Все смотрят на меня. А я - в белом платье. С кольцом на пальце. И я не богиня. И отлично! Мне не нужно чувствовать себя кем-то. Мне достаточно быть собой. Я - Ирина, Ира. Просто Ира. Ира!

- Ира! – вырывает меня из сна голос Аристарха. – Ну ты с ума сошла, огонь без присмотра оставлять?

Я разлепляю веки. Черт, я так и лежу на шкуре. За окном уже рассвет. Аристарх – в шелковой пижаме – почти бегом спускается вниз по лестнице. В камине тлеют угли.

- Да он же почти погас, - хриплю я. – Чего такого?

- Решетку надо ставить, - бурчит он. - А если бы уголек отлетел? Сгорело бы все тут к чертовой матери!

- Ну новый бы построил, - говорю я, зевая. – Ты же можешь.

- Я все могу, - он ухмыляется. – Кроме видимо занятий любовью со своей невестой.

- Прости, - чувствую, как мои щеки начинают пылать. – Ты же знаешь, что у меня непереносимость спиртного. Ну и вот...

- Не страшно, - говорит он. – У нас еще целая жизнь впереди. И..., - он загадочно пучит глаза.

И? - переспрашиваю я.

И целое утро, - говорит он. А потом подходит и мягко опускается на пол рядом со мною.

- Ира... - шепчет он.

Я поворачиваюсь к нему. Улыбаюсь.

- Да?

Он притягивает меня к себе и целует. Уверенно, без вопросов. Его руки скользят под халат. Находят грудь. Сжимают. Я закрываю глаза. Дышу. Стараюсь чувствовать.

Но вместо этого вдруг думаю: «Надо завтра не забыть заехать к маме. Обещала же».

Его губы спускаются ниже. По шее. По ключице. Я запрокидываю голову. Отдаюсь. Тело отзывается - привычно, предсказуемо.

Он развязывает пояс халата. Ткань распахивается. Холодный воздух касается кожи. Но тут же его тепло накрывает меня целиком.

- Ты такая красивая, - говорит он.

Я улыбаюсь.

Его движения - точные, отработанные. Целует грудь, живот, спускается ниже. А я замечаю крошечную трещинку в штукатурке на потолке.

«Архитекторы понимают трещины, - вспоминаю я. - Они не враги. Они - места, где начинается новая конструкция».

«Иди к черту, Иван Вадимович».

Аристарх спускается все ниже. Мне приятно. Конечно, приятно. Он знает, что и как мне нравится.

Он поднимает голову. Смотрит на меня снизу вверх.

- Да? - спрашивает.

- Да, - отвечаю.

Он улыбается. Улыбка - довольная, уверенная. Мужчина,

который знает, что делает. Который три года подряд делает это с одной и той же женщиной.

Он поднимается выше. Снова накрывает меня своим телом. И входит. Мягко. Осторожно.

Двигается. Ритмично. Спокойно. Как метроном.

Я подстраиваюсь под него.

- Ира... - шепчет он.

- Да, - отзываюсь. - Да.

Чтобы я тут не выдумывала про «страстную страсть», но любовник он в общем-то неплохой. Без выдумки, конечно, но кнопки мои нажать умеет...

Мы двигаемся, я прогоняю из головы все мысли. Сейчас мне нужна разрядка. Очень-очень нужна разрядка. Еще чуть-чуть. Еще...

И...

И тут он кончает. Тихо. Сдержанно. Как настоящий джентльмен. Потом аккуртно сползает с меня, ложится рядом, восстанавливая дыхание.

Ну что ж. Так тоже бывает. Значит – в следующий раз.

"Не такая уж и проблема..."

Глава 19

Через пару часов мы собираемся.

"Как же трещит голова!"

В душ сходила, кофе выпила. Но ничего не помогает. Всего три (или четыре все-таки?) бокала – а ощущение как будто ящик водки выжрала...

Аристарх отвозит меня на работу. Чмокаю его в щеку и поднимаюсь в кабинет. Миланы еще нет. Ну да я сегодня раньше обычного.

Какая-то сплошная нестабильность, однако – вчера позже, сегодня раньше...

Наконец дверь приемной хлопает.

Я закрываю пудреницу – и какой смысл туда пялиться? Бледное лицо и синяки под глазами никуда не денутся.

- Милана! – зову громко, удивляясь странным шершавым интонациям своего голоса.

- Да, Ирина Николавна? – она просовывает голову в дверь.

- У тебя аспирин нет?

Она оглядывает меня с любопытством. Вчерашний черный брючный костюм. Вчерашние белые кеды. И все пахнет Аристархом - его одеколоном, его домом, его жизнью. В глазах зажигается огонек.

- Так что, нет? – спрашиваю я еще раз.

- Есть, да. Минуту!

Она выходит обратно в приемную. Я слышу, как хлопает тумбочка, отдаваясь у меня где-то то ли в затылке, то ли в висках. Как наливается вода.

Наконец – мне кажется, что прошла вечность – она возвращается со стаканом, в котором шипит мое спасение.

Я протягиваю руку, и тут она видит ЕГО. Огромный блестящий бриллиант у меня на пальце. Глаза расширяются.

- Ой! - вскрикивает она. - Это что это?!

- Кольцо, - говорю я. - Или на что это похоже?

- Это... похоже... на помолвку! - визжит она.

А потом ставит стакан с шипучим аспирином на стол, и хватает мою руку. - Покажите! Покажите!

От ее визга у меня закладывает уши, поэтому я, не очень соображая, что происходит, позволяю ей себя трогать.

Она вертит мою руку, любитесь бриллиантом, причмокивает.

- Ой, какой красивый! - восхищается она. - Такой большой! Я так рада за вас! Так рада! Мне ваш Аристарх Степанович всегда нравился. Настоящий джентльмен! Такой щедрый! И когда же? Когда свадьба?

- Осенью, - отвечаю я, выдергивая наконец руку из ее цепкой хватки. - В середине осени.

- Осенью! - она ахает. - Как романтично! Листья падают, погода прохладная... идеальное время для свадьбы! Поздравляю! - опять визжит она и кидается мне на шею

Я секунду терплю, но ее духи бьют в нос так, что голова

теперь не только трещит, но еще и кружится.

Я, стараясь быть все-таки хоть немного вежливой – у девочки реально оргазм о того, что кто-то способен кому-то подарить блестящий булыжник, да еще и замуж позвать – отпихиваю юное тело от себя.

- Спасибо, - бормочу я. - Ты прости, у меня сегодня что-то голова очень болит.

- Понимаааааю, - она хихикает и почти готова подмигнуть. - Такое событие грех было не отметить. Вы аспирин-то пейте, пейте. Он поможет.

«Выпила бы давно, - думаю я, - Если бы не твои вопли».

- А я пойду к себе. Дел невпроворот!

Она вылетает из кабинета, плотно закрывая за собой дверь. Сто процентов помчалась сплетни разносить.

А я наконец-то беру стакан и залпом выпиваю живительную влагу.

Аспирин помогает на пару-тройку часов, а потом опять в моей голове кто-то устраивает строительные работы. Перфоратор прямо между висков. Молоток по черепной коробке. И кувалда - по затылку.

Я бросаю взгляд на часы. Ну, в принципе уже почти полдень. Так что вполне можно пойти и съесть чего-то горячего.

"Сун! Мне нужен горячий сун!"

Встаю. Беру сумку. Решительным шагом выхожу из кабинета. Милана скидывает на меня глаза.

- Поем пойду, - бросаю я. - Если что - звони.

- Хорошо, Ирина Николаевна! - кивает она. - А может...
- Да?
- Может вам домой? Выглядите неважно.
- Да? - хмыкаю. - Ну бывает. Поем. Станет легче.
- «Неважно выглядите! Вот же мелкая дрянь!».*

Выхожу из администрации. Пара переулков, и вот уже кафе «Уют». Маленькое, теплое, с запахом свежей выпечки и кофе. Я бываю тут редко - обычно обедаю в столовой. Но сегодня - мне нужен свежесваренный суп!

Захожу. Официантка - пожилая женщина с добрым лицом - улыбается мне.

- Здравствуйте, Ирина Николаевна! - говорит она.
- Здравствуйте Антонина Петровна, - улыбаюсь в ответ. - Мне бы пообедать. Очень супчику хочется.
- Суп-пюре из тыквы? Или борщ?
- Борщ! - говорю я. - Горячий. Очень горячий.

Сажусь за столик у окна. За окном обычная жизнь. Кто-то куда-то идет. Кто-то о чем-то разговаривает. Милота!

Официантка приносит борщ. Красный, густой, с запахом свеклы и мяса. Я беру ложку. Горячо. Очень горячо. Но приятно. Живот согревается. Голова - чуть-чуть проясняется.

«Вот оно, - думаю я. - Лекарство от похмелья. Горячий суп и тишина».

Но тишина длится недолго.

Дверь кафе открывается. Входит он.

Иван.

"Ну вашу ж мать!".

Следит он за мною что ли? Или это Миланка настучала, что я помятая приперлась, но с кольцом на пальце?

Оглядывается. Замечает меня. Улыбается шире.

Идет к моему столику.

- Ирина Николаевна, - говорит он. - Какая неожиданная встреча!

- Неожиданная, - бурчу я. - Особенно для меня.

Он садится напротив. Не спрашивая разрешения.

- Вы сегодня... - он оглядывает меня с ног до головы, - ...вчерашняя.

- Очень наблюдательно, - говорю я. - Да, это вчерашняя одежда. Потому что я ночевала не дома.

- А-а-а, - тянет он. - Понятно. Ночевали у Аристарха Боброва. И получили... - он переводит взгляд на мою руку, на кольцо, - ...ценный приз.

Я молчу. Ем борщ. Горячий. Очень горячий.

- Красивое кольцо, - говорит он. - Большой камень. Очень... статусный.

- Спасибо, - бурчу я. - Аристарх выбрал.

- Конечно выбрал, - усмехается. - Он же знает толк в статусе.

Я поднимаю на него глаза. Смотрю. Потом вздыхаю.

- Вань, - говорю я устало. - Давай не сегодня, а?

Он щерит губы в оскале.

- Ну почему же? Как раз сегодня мне особенно есть что

вам сказать, Ирина Николаевна...

Глава 20

Я смотрю на красивую язвительную морду напротив и думаю: «Господи, ну вот только тебя мне сейчас и не хватает. Тебя и твоих колкостей».

- Ну и что же вы мне хотели сказать, Иван Вадимович, - говорю я.

А потом откладываю ложку, подпираю тяжелую голову кулаком и вздыхаю. Хорошо так вздыхаю, с чувством.

Он удивленно приподнимает бровь, присматривается к моему лицу.

Улыбка гаснет.

- Что случилось? - спрашивает он. По-настоящему. С участием.

- Ничего, - пожимаю плечами. - Просто дикое похмелье. У меня непереносимость спиртного. Выпила пару бокалов шампанского - и пипец полный.

Он смотрит на меня. А потом поднимает руку и зовет официантку.

- Антонина Петровна, - говорит он. - Принесите, пожалуйста, томатный сок, тобаско и лимон. И крепкий чай. Черный.

Официантка кивает. Уходит. Я опять беру ложку и пытаюсь есть суп. Уже не так вкусно.

"Ну вот. Испортил аппетит, стревец".

Смотрю на него. Смотрит на меня. Молчит. Сидим.

Наконец официантка приносит заказ.

Он берет стакан с соком, бухает туда тобаско, потом выдавливает пол-лимона и протягивает мне

- Пей!

- Ты решил меня добить?

- Я решил тебя спасти, о дама моего сердца, - ухмыляется.

– Прости, не могу без театральщины. Пей давай, поможет, правда.

Я беру стакан. Пью. Кисло. Остро. Но приятно. Живот согревается еще сильнее. Голова - проясняется еще больше.

- Ох, - выдыхаю. - И правда хорошо.

- Ну!

- Спасибо, - я улыбаюсь. Искренне, весело. Как нормальный человек! А не старая развалина.

- Ир, я на самом деле хотел... поговорить. Я... хотел тебе сказать, - он на какое-то время зависает, а потом выдает. – Что мы как будто не с того начали.

- Не с того? - тарашусь. - В смысле?

- Да... Как-то... как-то все с первой секунды пошло наперекосяк. Праздник, перформанс...

- Милана, - подсказываю я.

Он фыркает.

- Ну это как раз было очуменно!

- Тьфу ты, - смеюсь я. – Ну ты и дурак, конечно.

- Да черт с ней, с Миланой, - улыбается. – Ты классная девчонка! Ну... то есть... Да что я в самом деле? Девчонка

и есть. Только чуть старше...

- Твоих обычных девчонок, - зачем-то вставляю я.

Он морщится.

- Короче. Я хотел извиниться. Искренне. Без...

- Без издевок? – подсказываю я.

- Да. Без всего этого, - он проводит рукой. - И предложить...

- Мир-дружбу-жвачку?

- Блин. Ну ты язва! – цокает. – А говоришь, что это я хам!

- Прости, - делаю покаянное лицо. – Так чего ты там предложить хотел?

- Начать все с начала.

- Это как?

- Привет, - говорит он. – Я – Иван. Я - главный архитектор города.

- Прости, - я хихикаю как дура, - Но звучит как «я - Иван, я – алкоголик».

- Эх, - он корчит недовольную рожицу, - Ну как с тобой быть нормальным, если ты такая...

- Какая?

- Колючая как ежик!

- Сегодня я скорее ежик без иголок, - вздыхаю я. – Лысый ежик!

- Фу, гадость какая, - ржет он.

И я присоединяюсь.

Смеемся мы долго, почти до слез. Бормоча «лысый ежик»,

«фу гадость».

Наконец нас обоих попускает. И он протягивает мне руку:

- Ну что, начнем сначала?

- Ну давай, - говорю я, пожимая теплую медвежью лапу.

- Я бы, если ты в силах, перфоманс хотел бы обсудить, - переходит он на деловой тон.

- Да вроде норм. Можно обсудить. В конце концов, это моя работа. А не только твои фантазии про танцующих бабушек.

Он фыркает.

- Мои фантазии? - переспрашивает. - Это не фантазии. Это реальный план. И у меня есть новости.

- Какие еще новости? - настораживаюсь.

- Приехала моя сестра.

- Сестра?

- Да. Ей семнадцать. Учится в хореографическом училище в Питере. Приехала на каникулы. И я ее попросил помочь.

Я молчу. Жду.

- Она привезет своих однокурсников. Танцоров. Настоящих. Не каких-то случайных людей с площади. Они будут теми самыми «танцорами в толпе». В гражданской одежде, но профессионально.

- И сколько это будет стоить? - спрашиваю осторожно. Бюджет праздника уже и так на грани.

Он усмехается.

- Нисколько. Они делают это ради опыта. И ради меня. Обойдемся кофе и плюшками из столовой. Может, еще пиццу закажем на всех.

Я смотрю на него. Не верю.

- Ты серьезно?

- Абсолютно. Сестра в восторге от идеи. Говорит, что в училище такого не делают - танцы в городской среде, импровизация, взаимодействие с публикой. Для них это как практика.

Я откидываюсь на спинку стула. В голове крутится: «Это же идеально. Профессиональные танцоры бесплатно. Мэр будет в восторге. Я буду в восторге. Все будут в восторге».

- Ладно, - говорю. - Звучит неплохо.

- Отлично звучит, - хмыкает.

- А если нам..., - говорю я подаваясь вперед. – А если все это усилить?

- В смысле?

- Музыкальные точки по всему городу. Уличные музыканты. Мастер-классы. Не только танцы, но и рисование, лепку, что угодно. Кто хочет - танцует. Кто хочет - рисует. Кто хочет - просто пьет кофе и смотрит на все это. Чтобы... на любой вкус... был выбор...

- Круто может получиться, – тихо говорит он. А потом протягивает руку и накрывает мою ладошку.

Тепло. Нежно.

И у меня от его прикосновения по всему телу разбегают-

ся теплые яркие огоньки. Прогоняющие и похмелье, и усталость, и все глупые мрачные мысли.

«А ведь... чтобы там ни было... что бы не происходило со мной, с ним, с Аристархом, со всем этим чертовым миром... все обязательно будет хорошо», - пролетает мысль.

Глава 21

Мы сидим в кафе битый час. На коленке собирая новую версию Дня города. Он рисует на салфетках, я делаю пометки в телефоне. Наконец, кажется, все разложено по своим местам.

- Ирка, - восклицает. - Это же просто гениально.

- Думаешь? - улыбаюсь, чувствуя, как краснеют щеки от его похвалы.

- Уверен, - хлопает рукой по столу. - Целостно теперь. Все детали на месте. Не просто перформанс, а большой красивый праздник. Для всех.

Мы смотрим друг на друга. И оба смеемся. Без причины. Просто смешно.

- Ты чего? - спрашиваю.

- Да так, - отмахивается он. - Просто представил, как ты будешь объяснять мэру, что вместо кружев и «Рябинушки» у нас будут танцоры, музыканты и люди, лепящие из глины.

- Кружева тоже плести будем. Отличный мастер-класс, - фыркаю.

- Тоже, верно, - он потягивается. - Осталось только это все оформить как следует и можно презентовать. А мы с тобой отличная команда!

- Ниче такая, - улыбаюсь. — Двину я в офис. Все набросаю. И потом согласую. Уверена, что нам все подтвердят.

Он встает, протягивает мне руку, помогая подняться.

"По-дружески! Ничего такого!"

И мы идем к выходу.

- А я тебя вчера на трассе видела, - говорю я.

- Ага, - улыбается. – Катюху катал. Только она боится ужасно и верещит как дура.

- Катюху?

- Сестру, ага. Вцепилась в меня и орала на ухо на каждом повороте.

Я чувствую, как щеки наливаются теплом. От облегчения?

"Такс. Стоп-стоп. Никаких камбэков и галлюцинаций. Мы начали заново. Мы друзья и коллеги!"

- А ты думала, это очередная «селедка»? - шурится.

- Вот еще, - бурчу. – Я вообще о тебе не думала!

- Ну да, ну да, - подмигивает. – Как и я о тебе...

Мы выходим, он протягивает мне руку.

- Напиши, плиз, что мэр скажет.

- Хорошо, - кладу ладонь на его лапищу. – Ну пока?

Он аккуратно пожимает мои пальцы, задерживая чуть дольше, чем просто любезное рукопожатие.

- Пока, - отпускает, разворачивается и легким шагом уходит направо, в сторону архитектурного бюро. А мне – мне налево, к администрации.

Я провожаю его взглядом. Потом глубоко вдыхаю и выдыхаю теплый летний воздух. Голова не болит. Как же хоро-

шо...

Вечером я рассказываю и показываю новый план Дня города мэру. И да – он в восторге! Ну а как – план отличный, увеличения бюджет нет. Работы правда на ближайшие дни будет вал, но я не против.

Хуже того – я счастлива. Внутри - фейерверк! Мы сделали это. Я и этот несносный, но очень талантливый медведо-кот!

Захожу к себе в кабинет. Миланы уже нет. Рабочий день окончен. Пора бы и мне собираться. Осталось только последнее дело...

Сажусь в кресло. Беру телефон.

«Все подтверждено. Заряжай танцоров».

Отправляю. Жду. Секунда. Две. Десять. Вибрация.

«Супербл. Ну значит делаем»

«Завтра обзвоню всех по мастер-классам. И погнажи»

«Про кружева не забудь», - пишет он. И следом добавляет подмигивающий смайлик.

Уголки губ ползут вверх. Идиот. Но, блин, такой классный идиот.

«Кружева – в первую очередь. Иначе какой праздник-то?».

«Тут ты права на все сто!»

«Да ты ценитель?»

«А то. Красивые кружева на красивой женщине – это охренеть как красиво»

Я смотрю на сообщение. И чувствую, как по телу бегут

мурашки.

Черт. Ну как так-то? Мы же договорились, что мы типа просто-коллеги, друзья.

Или это я сама с собой договорилась?? Ладно, ща ото-бьюсь!

«Ну слава богу, что хоть не на мужчине! И что-то у вас с лексикой Иван Вадимович. Что ни слово – то красиво. Синонимы не умеем?»

Отправить.

«Ржущий смайл»

Отправить.

Жду.

Три точки пляшут в окне чата. Печатает.

«Сорян. Как представил картинку, так и дар речи потерял»

«Какую картинку?» - пишу и тут же понимаю, что вот она провокация. И я опять попалась!

«Черное. Тонкое. Паутинка. Все закрыто, но все видно... Или вы предпочитаете другое?»

Ну твою ж мать!

«Я предпочитаю исключительно клуб «Рукодельница» и их волшебные шали!»

«Ээээээээ... ну как будто вам рановато»

Ржущий смайлик.

«Да иди ты в жопу!»

Отправить. Удалить отправленное!

«А я успел прочитать!»

Смайл с высунутым языком.

«Но так и быть. Удаляюсь в заданном направлении. Позже напишу»

«Зачем?»

«С сеструхой перетрем и дам знать»

Я медленно откладываю телефон в сторону. Делаю глубокий вдох.

Глупости все это. Просто глупости. Мальчишка просто не умеет по-другому. Секс и провокация для него как вдох и выдох.

Осталось только перестать попадаться как дурная девчонка.

Я встаю, потягиваюсь и неожиданно зеваю. Так что челюсть щелкает.

«Иди уже домой, Ирина Николавна, - говорю сама себе, - Домой и баньки!».

Дом встречает меня привычной тишиной.

Скидываю кеды. Иду в спальню. Снимаю костюм, блузку. Смотрю на себя в зеркало. Ну да. Кружева. Тонкие как паутинка.

Улыбаюсь отражению и топаю в ванную. Сегодня хочется не просто душ – сегодня хочется ванную. Хорошую такую. С пеной.

Десять минут и я занырываю.

Господи, какой же кайф.

Откидываюсь, закрываю глаза. И тут «бжж-бжж-бжж». Телефон. И зачем я его сюда взяла. Лежала бы себе, отмокала.

Тянусь к полотенцу, вытираю руки, поднимаю с пола телефон.

«Иван Соколов – архитектор».

А вот не буду брать.

Откидываюсь обратно. Жду.

«Бжжжж-бжжжж-бжжжж-бжжжж...»

Вот же настырный – звонит и звонит. Ладно...

- Але!

- Ну ты чего трубку не берешь?

- Сплю уже.

- Враки. Я вижу иллюминацию!

- Чего? – таращусь.

- Да окна в твоей квартире все горят. Вряд ли ты спишь при полном свете. Хотяяя... всякое конечно бывает.

- В моей квартире? – тупо повторяю.

- Ага. Мы тут внизу.

- Мы?

- Ирина Николавна, ты че, правда спишь?

- Нет.

- А, мы просто в попугаев видимо играем. Ну тоже норм. Короче, код от подъезда скинь. Ща зайдем. Жду.

Он отключается, а я продолжаю тупо таращиться на телефон.

«Ждуууу кооооод» - прилетает сообщение.

Я вздыхаю. Отправляю цифры. Вылезаю из ванной. Наскоро вытираюсь и бегом бегу к шкафу.

«Дзыыыыынь-дзыыыыынь» - звонок в дверь.

- Минуту! – ору я.

Забегаю в спальню, натягиваю шорты и футболку и иду открывать.

- Привет! – улыбается во все тридцать два. – А мы к тебе!

Я отхожу в сторону, пропуская в квартиру нахального архитектора в сопровождении какой-то девицы...

Дорогой мой читатель.

А у меня стартовала новинка "Детка. Вы мне не нужны"
«Он изменил и бросил беременную».

Но Маруся Чащина не плачет. Она мстит.

Её оружие — Руслан Велехов.

Девелопер, миллиардер, бывший любовник. Холодный. Опасный.

Идеальный инструмент мести.

Только месть и чувства плохо уживаются в одном дого-

воре...».

История непростая - *об измене, мести и настоящей любви.*

Но кажется получается очень классная.

И несмотря на сложные переживания все обязательно закончится хорошо! :)

ЧИТАТЬ <https://litnet.com/shrt/0h4V>

Глава 22

Ну вот как ему удастся? Материализоваться на пороге, словно джинн из лампы, только вместо лампы - мой подъезд, а вместо желаний - сплошной хаос...

- Привет, - говорит Иван.

Киваю. Перевожу взгляд на девуцу. Совсем юная, в джинсовке поверх худи и с рюкзаком за плечами. Аaaaa! Чего я туплю то? Это же, наверное, сестра. Он же говорил про сестру!

- Не ждала? – лыбится.

- Ну вообще-то нет.

- Оно и видно, - подмигивает.

Я бросаю взгляд в зеркало. Ну такое – да. Футболка без лифчика, короткие шорты, мокрые волосы - полотенцем только слегка промокнула. Истинно человек, который только что вышел из душа и забыл, что вокруг не джунгли, а цивилизация.

- Праааастити, извините, - смеюсь.

- Да норм, че, - подмигивает. Кажется, что еще чуть-чуть и языком прищелкнет, как делают навязчивые мужики, завидев симпатичную девушку.

- Знакомьтесь, - делает широкий жест рукой, словно представляет экспонаты в музее. - Это моя сестра Катя. А это... - он смотрит на меня, и в его глазах пляшут чертики, - ...моя

прекрасная коллега Ирина.

Катя улыбается. У нее такая же ямочка на щеке, как у него. И такие же глаза. Генетика - вещь упрямая.

- Здравствуйте, - говорит она. Голос звонкий, без той бархатной хрипотцы, от которой у меня подкашиваются колени. - Извините, что так поздно. Но Ванька сказал, что все очень срочно, что надо прямо сегодня обсудить и договориться. Нам – ну мне и ребятам с кем учусь – очень хочется поучаствовать! Вот мы и... сорвались к вам....

- Раз Иван Вадимович сказал, - прочищаю горло, - То конечно надо. Ему, как главному архитектору виднее.

Девушка таращится, а потом бросает тревожный взгляд на брата. Но тот – сама невозмутимость.

- Да вы проходите, проходите. Раз уж пришли. Присаживайтесь. А я сейчас чай поставлю.

Гости плюхаются на диван, а я иду на кухню. Маленькое, уютное пространство, которое я обычно использую только для утреннего кофе и вечернего перекуса. Открываю шкафчик. Чайник. Чашки. Где у меня заварка? А, вот она, в банке с надписью «Earl Grey».

Беру банку и замечаю, что руки как будто бы дрожат. Глупости какие! Чего им дрожать? Это просто коллега. И его сестра. Ничего криминального. Ночь на дворе? Ну и что. В современном мире границы размыты.

- Помочь? - голос прямо за ухом.

Вздрагиваю. И как ему удалось так бесшумно подкрасть-

ся?!

- У тебя руки трясутся, - констатирует. Забирает у меня коробку с заваркой. - Давай я. Ты лучше займись чем-нибудь более важным.

- Я в порядке, - огрызаюсь, но без злобы. - Просто не ожидала гостей.

- Сюрприз, - подмигивает он. – Мы пирожные кстати прихватили. Вот, - демонстративно поднимает и качает у меня перед носом коробку. - Подумал, раз мы тут ночное совещание устроили, нужно подкрепление.

- Ты всегда такой предусмотрительный? - спрашиваю, наблюдая, как ловко его пальцы управляют с коробкой. Красивые, длинные, сильные.

"Стоп. Не думать".

- Только когда дело касается важных партнеров, - отвечает он, не поднимая глаз.

Мне нужно выйти. Срочно. Воздух на кухне становится слишком густым, слишком насыщенным им.

- Я... сейчас, - бормочу я. - В ванную зайду. На секунду.

- И волосы посуши, - орет мне вслед. - А то заболеешь еще.

Выскальзываю из кухни, как пуля. Коридор. Дверь в ванную. Захожу. Включаю свет. Смотрю на себя в зеркало. Лицо красное. Глаза блестят. Выгляжу как женщина, которая ждет любовника, а не коллегу с сестрой.

Ванна полная воды. Пена уже осела, превратившись в какую-то совсем несимпатичную жижу. Открываю слив. Во-

да начинается уходить с громким чавкающим звуком. Воронка засасывает пену, остатки моих мыслей, мою усталость. Я смотрю на это гипнотизирующее движение воды и пытаюсь понять: а как так получилось, что я их вообще впустила? Что за бред то? Ну сказала бы «нет» и все!

- Ой, - голос из коридора.

Оборачиваюсь. Я не закрыла дверь. И в ее проеме стоит этот невозможный товарищ. Не стесняясь. Не отводя глаз.

- Мы тебя вытащили из пены, - говорит он, опираясь плечом о косяк. - Ну ты прям Афродита получаешься. Только без ракушки. И в футболке.

- Афродита вышла бы из пены сухой, - парирую я. - А у меня тут потоп.

- Да вроде сухо, - он делает шаг внутрь. Ванная маленькая, и он мгновенно заполняет собой все пространство. - Или мокро? Пока не понял...

Я сглатываю комок, который отчего-то образовался в горле.

"Ну почему – почему чтобы он не сказал, я вижу в этом подтекст?!".

Черт побери, как же мне хочется протянуть руку и провести по его волосам... А потом потянуться и поцеловать эти губы, кривящиеся сейчас в такой наглой и такой притягательно улыбке.

Я почти чувствую вкус его губ - чай, мята и что-то дикое... необузданное. Представляю его руки на моей талии. Уверен-

ные. Жесткие. Он прижимает меня к холодному кафелю, не давая отстраниться. Его дыхание обжигает шею. Он не спрашивает «можно?». Он просто берет. И я... я позволяю...

- Ирина Николавна, ты в порядке? – голос возвращает меня в действительность.

«Опять да? Ну ты совсем с катушек слетаешь, мать».

- Подвисаю, прости, - делаю невинное лицо. Ты же помнишь, что я с утра чуть от похмелья не умерла. Мне бы поспать. Но... кто-то придумал важное совещание в полночь. Не знаешь кто?

Он фыркает. А я делаю жест рукой, типа «дай пройти то!». Он чуть отодвигается, и я пытаюсь аккуратно проскользнуть мимо – в коридор, дальше в гостиную: к чаю, к сестре, в безопасность!

Но его рука на мгновение касается моей спины. Легкое касание. Случайное. Ну или почти случайное? Или не случайное?

Я поднимаю на него глаза. По коже пробегает ток.

"Бежааааать!!!", - кричит голос в моей голове.

Глава 23

Я разворачиваюсь и быстрым шагом возвращаюсь в гостиную. Голос в голове подгоняет меня не хуже ураганного ветра. На столе уже стоит чай, пирожные. Катя сидит на диване с чашкой в руке. Заботливый какой братец, а?

- Ну что, обсудим? – спрашиваю я максимально деловым тоном, усаживаясь в кресло.

- Я написала в чат училища, - говорит Катя, улыбаясь. - Ребята в восторге! Нас человек пятнадцать наберется точно. Все хотят попробовать этот формат. Флешмоб - это же круто! Мы уже музыку подобрали. Современную, но не агрессивную. Чтобы бабушки не пугались.

- Молодцы, - хвалю я. - Спасибо, Катя. Вы нас очень выручаете.

- Нам нравится идея, - улыбается она. - Ну и вообще... Ваня так красочно все расписал...

- Ну вот и отлично, - киваю.

- Но нам нужна будет репетиция, - говорит Катя.

- Логично. У нас есть четыре дня на всю подготовку. Репетицию надо, наверное, провести накануне. Поздно вечером, чтобы не привлекать внимания. Не хотим же мы, всех бабушек заранее перепугать, - смеюсь.

- Бабушки - народ адаптивный, - усмехается Иван. - Но ты права. Интрига важна.

- Я ребят организую, - Катя тянется за пирожным. - Со-
звонюсь со всеми.

- Ну что же, - он встает. - Тогда мы пошли? Поздно уже.
Не хотим злоупотреблять гостеприимством. Музыку я ски-
ну. Танцоры будут. Кажется, все обсудили?

Катя кладет пирожное, так и не успев укусить, обратно на
тарелку. Вскрикивает.

- Спасибо вам, что уделите время, - улыбается немного
нервно.

- Спасибо за пирожные, - говорю я, поднимаясь.

- На здоровье, - отвечает Иван.

Я провожаю их до прихожей. Дверь закрывается. Щелчок
замка - и на меня мгновенно обрушивается тишина. Я взды-
хаю, а потом прислоняюсь лбом к холодной поверхности две-
ри. Дерево шершавое. Оно заземляет.

- Ну и зачем все это было? - голос Кати доносится сквозь
дверь.

Звукоизоляция в этом доме никакая. Или они говорят
слишком громко.

- Что именно, - голос Ивана.

- Зачем ты меня пугал? - продолжает Катя. - Что она стро-
гая. А она вообще не похожа на тетку из администрации.
Он... прикольная, живая... Только я все равно не пойму -
зачем мы к ней поперлись среди ночи то? Завтра же могли
бы все обсудить.

- Да так, просто, - Иван отвечает небрежно. Слышно, как

он переминается с ноги на ногу.

Пауза. Гул лифта где-то внизу.

- Только не говори, что ты ее клеишь? - голос Кати становится серьезным.

- А что, так заметно? - Иван смеется.

В этом смехе нет стыда. Есть вызов.

- Ну ты и дурак, - Катя вздыхает. Звук похож на шипение воздуха. - Ты ей в подметки не годишься. Она вон какая - красивая, умная. У нее там, наверное, жизнь налажена. А ты - просто бабник. Она тебя и на миллиметр не подпустит!

Лифт приезжает. Двери открываются с мягким звуком.

- Может и не подпустит, - голос Ивана удаляется. - А может я ее не просто...

Двери лифта закрываются. Гул мотора уносит их вниз. Я стою у двери еще минуту. Потом медленно отлипаю от нее. Лоб холодный. Щеки горячие. Прохожу в гостиную. Беру свою чашку. Делаю глоток. Чай уже остыл.

Что же он хотел сказать то?

«Не просто»... что?

Не просто клеит, а... что?

Голова гудит о мыслей. Я вздыхаю, ставлю чашку на блюдце. Смотрю. И зачем-то поправляю. Ровно по центру. Потом оглядываюсь. Прибраться бы надо... Да ну к черту! Только пирожные в холодильник суну.

Иду на кухню. На столе лежит мой телефон. Экран мерцает.

«Спасибо за чай. И прости, что вломились среди ночи.
Сам не понимаю зачем я это все устроил»

Я зависаю.

Удалить? Ответить? Игнорировать?

«Спасибо за пирожные», - набираю я.

Стираю.

«Да не страшно».

Стираю.

Просто ставлю смайл. Нейтральный.

Отправляю.

Телефон тут же вибрирует.

«Спокойной ночи, храм».

Усмехаюсь. А потом вспоминаю все эти странные сутки.

Кольцо. Аристарх. Богиня. Камин. Похмелье. Кафе. Новый план. Восторженный мэр. Ночной визит. Лифт...

Что-то устала я невероятно. Может быть, некоторые двадцатишестилетние нахальные мужчины и способны на круглосуточный бедлам, а нам – женщинам за тридцать – лучше придерживаться распорядка дня. Чтобы с утра не выглядеть как огурчик – зеленой и пупырчатой.

Я разворачиваюсь и иду в спальню. Господи, как же мне сейчас хочется только одного – рухнуть в кровать и закрыть глаза.

Завтра. Все завтра.

Храмы, бабники, помолвки, кольца, планы, репетиции, танцы с бабушками и дедушками, мотоциклы, пляшущие

звезды, галлюцинации наяву...

Богине пора спать!

Глава 24

Я, конечно, пыталась понять, что он хотел сказать этим самым «непросто». Но правда совсем недолго. Потому что начался самый настоящий рабочий бедлам. Четыре дня. Десятью шесть часов. Пять тысяч семьсот шестьдесят минут чистого, концентрированного сумасшедшего дома.

Я почти не спала. И почти не ела. Ну разве что кофе и плюшки, плюшки и кофе.

Из всех этих четырех дней больше всего почему-то запомнился запах свежей краски для декораций. Ну и конечно бесконечный звон телефона.

Аристарх звонил несколько раз. Но поговорить толком не удавалось – все время кто-то отвлекал. Хотя он вроде не в обиде. По крайней мере, когда звонил последний раз, то просто вздохнул «понимаю, работа есть работа» и повесил трубку.

Иван звонил чаще. Но только по делу.

- Ирина Николаевна, согласуйте точку питания у фонтана.
- Ирина Николаевна, музыканты спрашивают могут ли установить колонки под сценой.
- Ирина Николаевна, нужна подпись на акте.

Голос ровный. Деловой. Без бархата. Без намеков. За что я даже была ему благодарна. Детсадовские любовные игрища я бы сейчас точно не потянула.

И вот наконец - вечер накануне Дня города. Площадь погружена в сумерки. Фонари еще не зажглись в полную силу, небо над городом - темно-синее, почти черное. Воздух остыл, пахнет ночной фиалкой и асфальтом, который за день накалился на солнце.

Автобус прибывает ровно в полночь. Из дверей выпрыгивают они. Танцоры. Молодые, энергичные, в одинаковых худи. Катя бежит впереди, размахивает руками, командует, как опытный дирижер. Ей семнадцать, и в ней еще есть эта легкость, которую я потеряла где-то между дипломом университета и первой должностью в администрации.

- Ирина Николаевна! - Катя подбегает ко мне. Щеки румяные, глаза горят. - Все на месте! Пансионат хороший, нас всех расселили, покормили. Спасибо! Мы готовы работать!

- Отлично, только тихо и по сокращенной программе, как обсуждали.

- Ага! - она кивает и бежит к группе.

Я наблюдаю, как они строятся в шеренгу. Мои ноги гудят. Каблуки я не надевала давным-давно. Еще с того первого дня, когда позволила себе вместо лодочек белые кеды. Но даже удобная обувь не спасает от усталости, которая копилась четыре дня. Я чувствую себя выжатым лимоном. Но внутри - странное, тревожное предвкушение. Завтра все изменится. Либо город получит отличный праздник, либо меня уволят за самоуправство под вопли оскорбленной общест-венности.

- Давайте на точки! - командует Катя. Танцоры рассыпаются по площади. Кто-то у памятника, кто-то у клумб, кто-то просто в толпе воображаемых прохожих. Я прохожу к скамейке у края площадки. Сажусь. Дерево холодное, сквозь тонкую ткань брюк чувствуется прохлада.

- Ирина Николаевна, мы готовы, - говорит Катя.

- Отлично, - отвечаю. - Начинайте. Ваша задача - показать, как это будет выглядеть для зрителя. А моя - чтобы вас не арестовали за хулиганство.

Катя смеется и занимает свою позицию.

Включается музыка. Тихо, с портативной колонки. Сначала только ритм. Глухой стук сердца города. Танцоры замирают. Потом один начинает движение. Плавное, текучее. К нему присоединяется второй. Третий. Это завораживает. Даже при полуночной темноте видно, как меняется пространство. Площадь перестает быть просто асфальтом между администрацией и магазином. Она становится сценой.

Я закрываю глаза на секунду. Вдыхаю. И чувствую запах. Не ночной фиалки. Не асфальта. Кофе. Кожа. Что-то терпкое, мужское. Открываю глаза. Рядом со мной на скамейке сидит Иван. Я не слышала, как он подошел. Будто материализовался из тени.

- Привет, - говорит он тихо, чтобы не мешать музыке.

- Привет, - отвечаю. Не отодвигаюсь.

Места на скамейке много, но он сидит близко. Так близко, что наши плечи почти соприкасаются.

- Как ты? - спрашивает он. В его голосе нет официального «Ирина Николаевна». Только мягкое «ты».

- Как выжатый лимон, - признаюсь я. - Ноги не чувствую. Голова гудит.

- Ну еще бы, - говорит он.

Смотрит не на танцоров. На меня.

- Завтра будет настоящий тест, - хмыкаю.

- Все будет отлично, - уверенно говорит он. - Фундамент заложен надежный. А если что-то пойдет не по плану, назовем это импровизацией.

Он кладет руку на спинку скамейки за моей спиной. Не касаясь меня. Но я чувствую тепло его ладони. Оно обволакивает меня, как плед. Я молчу. Смотрю на танцоров. Они кружатся в четком ритме, но движения синхронны и свободны.

- Поспать бы, - наконец говорю я.

- А может встряхнемся?

Иван встает. Протягивает мне руку. Ладонь раскрыта. Ждет.

- Что?

- Потанцуем?

В его голосе нет насмешки. Нет вызова. Только приглашение.

Я отрицательно качаю головой.

- Да ладно, тебе, - улыбается. - Присоединись к репетиции. Хотя бы на минуту. Ты же начальник отдела культуры.

Должна знать материал не только по отчетам.

Я смотрю на его руку. Потом смотрю на танцоров. Музыка меняется. Становится громче, ритмичнее. Басы отдаются в груди.

- Прости, Вань, реально без сил.

- Хорошо, - он опускается обратно на скамейку.

Садится чуть дальше, чем раньше. Дистанция восстановлена.

- Тогда просто смотри.

Он откидывается на спинку. Смотрит на площадь.

- Знаешь, - говорит он тихо. - Завтра здесь будут сотни людей. Они будут смеяться, фотографировать, чувствовать себя частью чего-то живого. И никто не узнает, что это ты придумала, как это собрать. Ты останешься в тени. Тебя не поблагодарят со сцены.

- Мне не нужно благодарности, - говорю я.

- Нужно, - он поворачивает голову. Смотрит прямо в глаза. - Каждому нужно. Чтобы кто-то увидел. Чтобы кто-то сказал: «Ты прекрасна».

У меня перехватывает дыхание. Снова эти слова. «Ты прекрасна». Как тогда, во дворе. В моей галлюцинации. Или не галлюцинации?

- Спасибо, - шепчу я.

- Да не за что, - он встает.

Танцоры замирают в финальной позе. Тишина. Потом аплодисменты. Сдержанные, чтобы не разбудить спящий го-

род.

- Ну пока, Ирина Николавна, - он протягивает руку. Мы с Катюхой ребят отвезем. А завтра – в полном твоём распорядке.

- Хорошо, - киваю.

Он идет к автобусу, а потом останавливается, оборачивается.

- Ир!

- Да?

- Завтра... надень что-нибудь удобное. Чтобы ничего не мешало.

- В смысле? - не понимаю я.

- В смысле, чтобы ничего не мешало чувствовать, - он подмигивает. - До завтра!

Молчу. А он отворачивается и уходит к автобусу. Автобус трогается. Фары выхватывают из темноты пыль и листья. Я остаюсь одна на площади. Вокруг тишина. Только где-то вдалеке лает собака. А у меня в кармане вибрирует телефон. Достāju.

«Ты разве не чувствуешь, что ритм уже внутри тебя? Разреши ему вырваться наружу. Тебе понравится».

Вздыхаю. А потом отправляю улыбающийся смайл.

Глава 25

День города наступил так, как и все важные даты в моей жизни - слишком рано и слишком громко.

Будильник зазвонил в семь утра. К девяти утра я уже была в режиме «тушение пожаров».

- Ирина Николаевна, у сцены звук хрипит!

- Ирина Николаевна, клуб «Рукодельница» забыл манекены!

- Ирина Николаевна, мэру не нравится, где стоит корзина для цветов!

Я бегала по городу, как заведенная. Телефон раскалялся в руке. Желудок скручивало от нервов. Но шаг за шагом все сложности раздуливались. К четверем дня все проблемы были решены. Звук настроен. Манекены найдены. Корзина с цветами переехала на три метра левее, и мэр благосклонно кивнул.

К вечеру площадь превратилась в муравейник. Люди шли семьями. Дети с шариками, бабушки с авоськами, подростки с селфи-палками. Кто-то искал друзей, кто-то - приключений, кто-то просто бесплатного развлечения.

Ровно в шесть на сцену вышел мэр. Микрофон пискнул. Толпа зашумела, потом затихла.

- Дорогие земляки! - голос градоначальника разносится над площадью, усиленный колонками. - Поздравляю вас с

Днем города!

Аплодисменты.

- Мы подготовили для вас большую программу! - мэр разворачивает листок. - Музыкальные коллективы. Мастер-классы для детей и взрослых. В восемь вечера - показ мод от клуба «Рукодельница»! В полдевятого - файер-шоу! А в девять... - мэр делает театральную паузу. Ухмыляется. - Прошу всех собраться здесь, на центральной площади. Вас ждет... сюрприз!

Фанфары, музыка, шум, гам...

Я выдыхаю. Первый этап пройден. Люди довольны. Еда есть. Музыка играет. Осталось самое главное. Тот самый сюрприз... Авось всем понравится...

- Ирина Николаевна! – слышу голос, оборачиваюсь - одна из дам клуба "Рукодельница". - Идите сюда! Мы вам шарф связали! В подарок!

- Спасибо, Марья Ивановна, - улыбаюсь. - Потом заберу.

- Почему потом?

- Работа.

- Эх, девочка... - качает головой. - Все работа да работа.

А замуж когда? Про себя забывать нельзя.

Я кривлю губы в улыбке. И далось им всем это «замуж!».

- Да скоро замуж, Марья Ивановна, - смеюсь.

- Ну и слава богу, - улыбается в ответ.

Отхожу. Кстати, жениха-то я сегодня еще и не видела. Хотя он скорее всего в VIP-зоне, с бокалом вина обсуждает с

партнерами, как удачно он вложился в спонсорство праздника. А Иван... его тоже не видно. Ну и прекрасно, не до мужиков мне сейчас.

Зато Милана тут как тут.

- Ирина Николаевна! - машет мне рукой. Раскрасневшаяся, в ярком платье с большим декольте. – Какой чудесный праздник.

- Благодарю.

- А... наши все... в VIP-зоне, да?

- Скорее всего, но я не проверяла. Некогда было, знаешь ли.

- Ой, ну конечно, - делает большие глаза. – Ну, не буду вас отвлекать. Я смотрю ей вслед - платье, укладка, духи.

Ну а что, я ее сама отстранила от организационных вопросов. Человек празднует. В отличие от некоторых...

В восемь пятьдесят площадь начинает заполняться снова. Я занимаю свое место у звуковой рубки. Киваю технику.

- Готов?

Смотрю на часы. Девять вечера.

- Давай!

Техник выключает фоновую музыку. Люди замирают и наступает абсолютная тишина. Даже дети замолкают. И из этой тишины рождается звук. Не из колонок. Из толщи толпы. Ритм. Глухой стук.

Хлопок. Люди оборачиваются. В центре площади стоит парень. В обычной футболке, в джинсах. Ничем не примеча-

тельный. Он делает движение. Резкое, ломаное. Застывает.

Второй хлопок. К нему присоединяется девушка. Тоже из толпы. Вышла из группы смеющихся подростков.

Третий. Четвертый. Они не на сцене. Они везде. Вот у ларька с шаурмой танцует мужчина в кепке. Вот у фонтана кружится девочка с шариком. Вот рядом с нами, всего в двух шагах, двое парней делают синхронный выпад. Толпа замирает. Кто-то шарахается в сторону. Бабушка у края площади крестится.

- Хорошо, да? - слышу голос рядом.

Оборачиваюсь. Иван. Руки в карманах. Смотрит на площадь.

- Они бояться, - шепчу я.

- Подожди, - говорит он тихо. - Сейчас поймут.

Музыка нарастает. Становится громче. Мелодичнее. Танцоры не просто двигаются. Они вовлекают. Парень у палатки протягивает руку продавщице. Та смеется, смущается, но делает шаг в ритм. Девочка с шариком кружит мимо пожилой пары. Дед улыбается, поднимает трость и стучит ею в такт.

Страх уходит. Появляется интерес. Кто-то достает телефон. Снимает. Кто-то начинает хлопать. А потом - самое главное. Человек из толпы, просто зритель, вступает в круг. Неуклюже, смешно, но вступает. Его поддерживают. Еще один. Еще одна. Площадь превращается в единый организм. Нет сцены. Нет разделения на артистов и зрителей. Есть только ритм. Есть только город. Есть только мы.

Я смотрю на это и чувствую, как внутри что-то надламывается. Не болит. Освобождается. Я сделала это. Нет. Мы.

Я поворачиваюсь к Ивану. Он смотрит не на площадь. На меня. А потом делает шаг ко мне.

- Ты видишь? - спрашивает он.
- Вижу, - отвечаю. Голос дрожит.
- Это твои руки, Ира. Ты это собрала.
- Без тебя бы не вышло.
- Вышло бы. Просто было бы скучнее.

Он улыбается. И в этой улыбке - все: ночь на мотоцикле, сообщения, недосказанные слова...

Толпа вокруг нас хлопает в ладоши. Кто-то уже танцует в полную силу. Мэр бежит к микрофону, что-то кричит про «инновации» и «будущее».

Но я его не слышу. Я слышу только стук своего сердца.

И вижу протянутую руку Ивана.

- Потанцуем?

Глава 26

Я делаю вдох. И кладу свою ладонь в его. Музыка льется, толпа танцует. Иван тянет меня на себя, я падаю в его объятия и вот мы уже кружимся в танце. Он не руководит. Не ведет за собой, как партнер в бальном танце. Он просто часть моего движения.

Тепло его ладони на моей талии. Через тонкую ткань платья оно прожигает кожу. Его другая рука держит мою, пальцы переплетены крепко, надежно. Вокруг нас мелькают лица. Смеющиеся, удивленные, счастливые. Но для меня существует только он.

Он отлично двигается. Плавно, уверенно, будто его тело создано для этого ритма. Никакой скованности. Только чистая энергия. Я смотрю на него снизу вверх. В его глазах отражаются огни гирлянд и что-то еще... Что-то темное, глубокое, притягивающее, как магнит.

- Расслабься, - шепчет он, наклоняясь к самому уху.

Его голос тонет в музыке, но я слышу каждое слово.

- Просто чувствуй.

Я закрываю глаза на секунду. И отпускаю себя. Усталость, которая копилась четыре дня, исчезает. Боль в ногах пропадает. Мысли о сметах, отчетах, звонках мамы и холодном бриллианте на пальце - испаряются.

Остается только это: тепло его тела, синхронность движе-

ний.

Когда он делает шаг, я делаю шаг. Когда он поворачивается, я следую за ним. Мы не два отдельных человека. Мы единый механизм. Единая конструкция. Иван прижимает меня ближе. Его грудь касается моей. Я слышу, как бьется его сердце: быстро, в унисон с моим.

Его рука скользит по моей спине, чуть ниже, чем позволяют правила приличия. Но сейчас нет правил. Есть только город. Только ночь. Только мы. Мне кажется, что я могла бы танцевать так вечно. Час. Ночь. Год. Всю жизнь. Пусть музыка не заканчивается. Пусть этот момент не растворяется в утреннем свете и будничных проблемах.

Я поднимаю голову. Иван смотрит на меня. В его взгляде нет игры. Нет вызова. Есть... радость и счастье? И слова «Ты прекрасна».

И я верю. В этот момент я действительно чувствую себя прекрасной. Не «Ириной Николаевной, начальником отдела». Не «невестой Аристарха». А просто женщиной. Живой. Настоящей.

Музыка нарастает. Барабаны бьют чаще. Гитара звенит напряженно. Толпа вокруг нас кричит. Иван подхватывает меня, делает полуоборот, и я оказываюсь прижатой к нему спиной. Музыка достигает пика. Высокая, пронзительная нота повисает в воздухе. И вдруг - тишина. Резкая. Абсолютная. Музыка обрывается на полу вдохе.

Мы замираем. Я стою, прижавшись к нему. Его рука все

еще на моей талии. Моя рука в его руке. Секунда. Две. И потом площадь взрывается. Аплодисменты. Крики. Восторг.

Танцоры кланяются. Катя машет мне рукой, сияющая, счастливая. Но я не вижу никого, кроме Ивана. Он медленно поворачивает меня к себе. Лицом к лицу. Расстояние между нами - несколько сантиметров.

Я чувствую тепло его дыхания. Вижу расширенные зрачки. Он смотрит на мои губы. Потом на глаза. Снова на губы. Воздух между нами наэлектризован, натянут, как струна перед разрывом.

И тут - вспыхивает небо. Первый залп фейерверка взмывает вверх. Громкий хлопок. Яркая вспышка зеленого огня освещает площадь. Заклинание разрушено. Реальность возвращается ударом под дых. Я резко отстраняюсь. Выдергиваю руку из его ладони.

Шаг назад. Два. Холодный воздух обжигает там, где только что было его тепло.

- Все, - голос предательски дрожит. - Праздник закончился.

Иван отпускает руку. Не пытается снова поймать меня. Но его взгляд тяжелый. Темный.

- Закончился? - переспрашивает он.

- Да. Мне нужно... - я оглядываюсь вокруг, будто ищу спасения в толпе. - Мне нужно найти Аристарха. Мы договаривались... Пора... домой... отдыхать.

Я говорю быстро. Почему-то очень быстро: слова вылета-

ют пулеметной очередью, словно я хочу заглушить стук собственного сердца.

Иван усмехается. Но в улыбке нет веселья.

- Тебе не нужно его искать, Ира.

Я замираю.

- Что?

- Тебе не нужно его искать, - повторяет он спокойно, уверенно. - И замуж за него выходить тоже не нужно.

Внутри меня вспыхивает злость - защитная реакция.

- Ты опять? - я повышаю голос. Люди вокруг начинают оборачиваться. - Мы уже это проходили, - прехожу на свистящий шепот, - Иван Вадимович. Сколько можно? Он мой жених. Я выйду за него. Это решено.

Иван делает шаг ко мне. Не угрожающе, но твердо.

- Это решение ошибочно.

- Это моя жизнь, - руки сами собой сжимаются. - И мои ошибки тоже мои!

- Не все ошибки можно исправить потом, - говорит он тихо. Так тихо, что я едва слышу его сквозь хлопки фейерверков. - Некоторые разрушают фундамент. Навсегда.

В его глазах нет ревности. Нет желания меня отвоевать. Есть... жалость?

- О чем ты? - спрашиваю я. И слышу что мой голос звучит уже не так уверенно.

Иван молчит. Поднимает взгляд к небу, где расцветают очередные золотые цветы.

- Я все думал рассказать тебе или нет, - наконец говорит он. - И вроде решил уже, что это все не мое дело... Но... я не могу смотреть, как ты строишь дом на зыбучих песках.

- Ваня, что происходит?

- Я скажу, - кивает он. - Но это может быть очень больно.

Он делает паузу. Фейерверк гаснет, оставляя нас в полумраке, освещенном только уличными фонарями.

- Ты уверена, что хочешь знать правду?

Глава 27

Вопрос висит в воздухе. Я почти воочию вижу его. И не только вижу, но как будто чувствую словно занозу в пальце. «Ты уверена, что хочешь знать правду?».

Вокруг нас течет людская река - толпа начинает расходиться, люди смеются, делятся впечатлениями, кто-то ищет друг-друга, кто-то окликает детей. Жизнь - веселая, яркая, бурлящая. А я... я замершая в моменте, застывшая, огоршенная.

Опускаю глаза, смотрю на свои руки. Они дрожат. Крупный бриллиант на безымянном пальце ловит отсветы фонарей и бликует, пуская радужные зайчики.

- Говори, - выдавливаю я не своим голосом – сиплым, натужным. - Но если ты мне сейчас совершь ...

- Не надо, Ир, - он прочищает горло. - У меня нет в голове никакого «коварного плана». Честно слово. Просто это все...

- Да не тяни ты!

- Ладно, - он трет лоб. - Вчера... Когда мы с Катей провожали ребят в пансионат... Было уже совсем поздно... Ну ты помнишь, мы репетицию только в полночь начали... Ну и доехали. И я решил проводить всех до корпуса, а заодно проверить, все ли нормально – нет ли вопросов, проблем. Ну и... увидел его.

- Аристарха?

- Да.

- Вань..., - пытаюсь выдавить из себя улыбку. - Мало ли что он там делал! Может, что-то решал с поставщиками. Ты же знаешь, он спонсор. Мог обсуждать меню на завтра, логистику...

Иван вздыхает.

- Что?

- Ир, он был не один. Они сдавали карту посетителя... Номер триста пять. Люкс.

- Они? - переспрашиваю я.

- Он и девушка.

«Люкс. Ночь. Девушка. Аристарх».

- И они не были похожи на деловых партнеров, - добавляет он тихо. - Они смеялись. Так смеются люди, у которых только что..., - замолкает.

«Только что был хороший секс».

Я чувствую как внутри меня что-то с глухим стуком падает на пол и разбивается вдребезги.

«Похоже, это было мое сердце».

Хотя – нет, что я себе вру. Как будто я прямо люблю-немогу этого... мудака! Не сердце – тупо гордость. Я делаю несколько шагов вперед и почти валюсь на ближайшую скамейку - ноги почему-то не держат. Иван аккуратно присаживается рядом.

- Какая прелесть, - шепчу я. - И ведь похоже ты не врешь...

- Зачем мне врать? – пожимает плечами.

- Ну может быть, потому что ты решил затащить меня в постель? – вскидываю на него глаза. – Отреставрировать мой храм? Доказать мне, что я доступна?

Иван молчит. Секунду. Две.

- Ир, ты серьезно? - в его голосе проскальзывает усталость. - У меня нет такой цели. Хотя... - он усмехается, но в улыбке нет веселья. - Не буду отрицать. Я был бы не против. Ты красивая. Умная. Страстная...

Последнее слово он произносит так, что мне на секунду становится жарко, несмотря на ночную прохладу, несмотря на мысли о моем женишке, потрахивающим кого-то по ночам в пансионатах. Но секунда пролетает и я понимаю, что меня продолжает трясти мелкой дрожью.

- Но тебя просто так в кровать не затащишь, - продолжает. - И уж точно не такими методами. Я не разрушаю чужие отношения ради спортивного интереса или хорошего секса. Я опускаю голову.

«Хороший секс. У моего жениха был хороший секс. Не со мной... А со мной был... хреновый? Ну конечно. Я же богиня, мать вашу, которая сначала засыпает, а потом чуть ли не терпит...».

Слезы подступают к горлу комом.

«Нет. Только не рыдать. Не сейчас! А что сейчас?».

- Я сейчас пойду, - выпаливаю я, - И... найду его! - вскакиваю. Ноги ватные, но адреналин гонит вперед. - И... тогда я... я..., - делаю шаг.

- Тогда что? - Иван встает, кладет руку мне на плечо. - Что... потом?

- Я..., - замирю, - Я не знаю...

«Куда идти? Искать его в ВИП-зоне? Или в ресторане? Хотя можно же позвонить... Но... что сказать? Это надо как-то... не по телефону, наверное...».

- Вань..., - я пытаюсь прочистить горло. Но вместо кашля – какой-то всхлип. Жалкий. Детский. - Вань... Я не понимаю, - бормочу. - Зачем тогда это все? Кольцо, свадьба... Ведь он же заморочился, потратился. Денег дохрена этот камушек стоит. Чтобы что?

- Чтобы все видели и завидовали, - вздыхает Иван. – Ты ценный приз, Ира.

- Ценный приз? – из горла вырывается смешок.

«Ну вот и до истерики дело дошло».

- Ты умная, красивая. Ты – трофей.

- Вань... Но это... Это просто... какой-то... кошмар?

- Прости. Но... Разве ты сама не чувствуешь, что это правда?

- Правда? Какая именно? Что я - трофей, который можно поставить на полочку и при этом трахать на стороне какую-то девицу? Такая себе правда, Вань...

Он опускает глаза.

- Слушай..., - я таращусь, - А скажи мне... Ну вот ты... Ты тоже - тот еще котяра. Так скажи мне. Чисто по-дружески. Только честно, пожалуйста. Все мужики изменяют, да?

Он кривится. А потом пожимает плечами.

- То есть..., - говорю я уже сама себе - Правы девочки в соцсетях, которые пишут, что все мужики козлы....

- Ну, Ир! - морщится. - Ну ты же понимаешь, что все не так просто. Да, мужчины в массе своей полигамны. Но... Есть одно... Черт, как бы назвать? Условие что ли? Которое меняет все.

- Условие? - слышу в своем голосе сарказм.

- Условие - плохое слово, - кивает. - Но другого сейчас не подберу. Голова чумная. Короче... если в двух словах: когда мужчина встречает «ту самую». То есть... если ему повезло и он наконец-то нашел «ее». То тогда... тогда он будет только с нею. Потому что остальные женщины просто перестают существовать. Понимаешь? Они становятся фоном. Серым шумом.

- А. Ну понятно. Ну конечно, - чувствую как кривятся губы. - Просто я... видимо... я какая-то не такая. Не «та самая». Просто... Ну да... Я просто удобный вариант. Статус. Дорогое и пафосное блюдо..., - смотрю на кольцо. - Блюдо для ресторатора... Запеченный поросенок? - хихикаю. - Поросенок с кольцом в носу! Или... Как там на вашем – архитектурском? Дорогой и пафосный фасад?

- Ты слишком хороша для фасада, - фыркает. - Ты - содержание.

- О. Содержание? А знаешь что? А пойдем нажремся, а? – я пытаюсь улыбнуться. – Придадим внутреннее горячее со-

держание нашему такому чудесному разговору. В топку всю твою философию. Трещины, фасады... В топку Аристарха. В топку кольца с бриллиантами. В топку свадьбу. В топку весь этот гребанный мир!

- Ира...

- Так, давай только без нотаций, - ухмыляюсь. - Мораль читать не надо. Надо поддержать женщину в ее порывах и проблемах. Да?

Он смотрит на меня долго. Оценивающе.

- Ладно, - вздыхает. - Есть бар недалеко. Идем.

Я киваю, а потом беру его под руку. В конце концов, какая уже разница? Даже если кто-то увидит, даже если поползут слухи и сплетни.

«Идите вы все к черту!».

Глава 28

- Нам бы чего-нибудь выпить, - говорит Иван бармену, протирающему бокалы.

- Закрываюсь скоро, - бурчит тот.

- Да мы по одной и свалим, - улыбается Иван. – Что будешь? – смотрит на меня.

- Виски. Чистый.

Открывает рот, наверное, чтобы выдать что-то вроде «может не стоит?», но натывается на мой взгляд и просто вздыхает.

- Два виски.

- По сто пятьдесят! - встречаю я.

Бармен таращится, потом кивает и тянется за бутылкой. Мы садимся в углу. Беру бокал. Янтарная жидкость плещется у края.

- За правду? - я поднимаю бокал.

- За тебя и твое прекрасное будущее, - отвечает Иван.

Чокаемся. Делаю глоток. Огонь обжигает горло, распространяется по желудку теплом.

- Слушай. А откуда ты тут вообще у нас взялся?

- От верблюда, - смеется он.

- Ну правда? Расскажи что ли о себе. Я же ничего про тебя не знаю. Кроме того, что ты главный архитектор, любишь мотоциклы и... - запинаюсь, - ...нравишься моим подчинен-

ным.

Иван усмехается. Уголок губ дергается.

- Скучная биография.

- Мне не скучная нужна. Мне настоящая.

Он молчит. Смотрит на меня долго.

- Ладно, - выдыхает он. - Отец - архитектор. Известный в узких кругах. Мать - учитель в художественной школе. Рисовала акварелью и учила детей видеть свет.

Я киваю. Это объясняет многое. Чувство линии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.